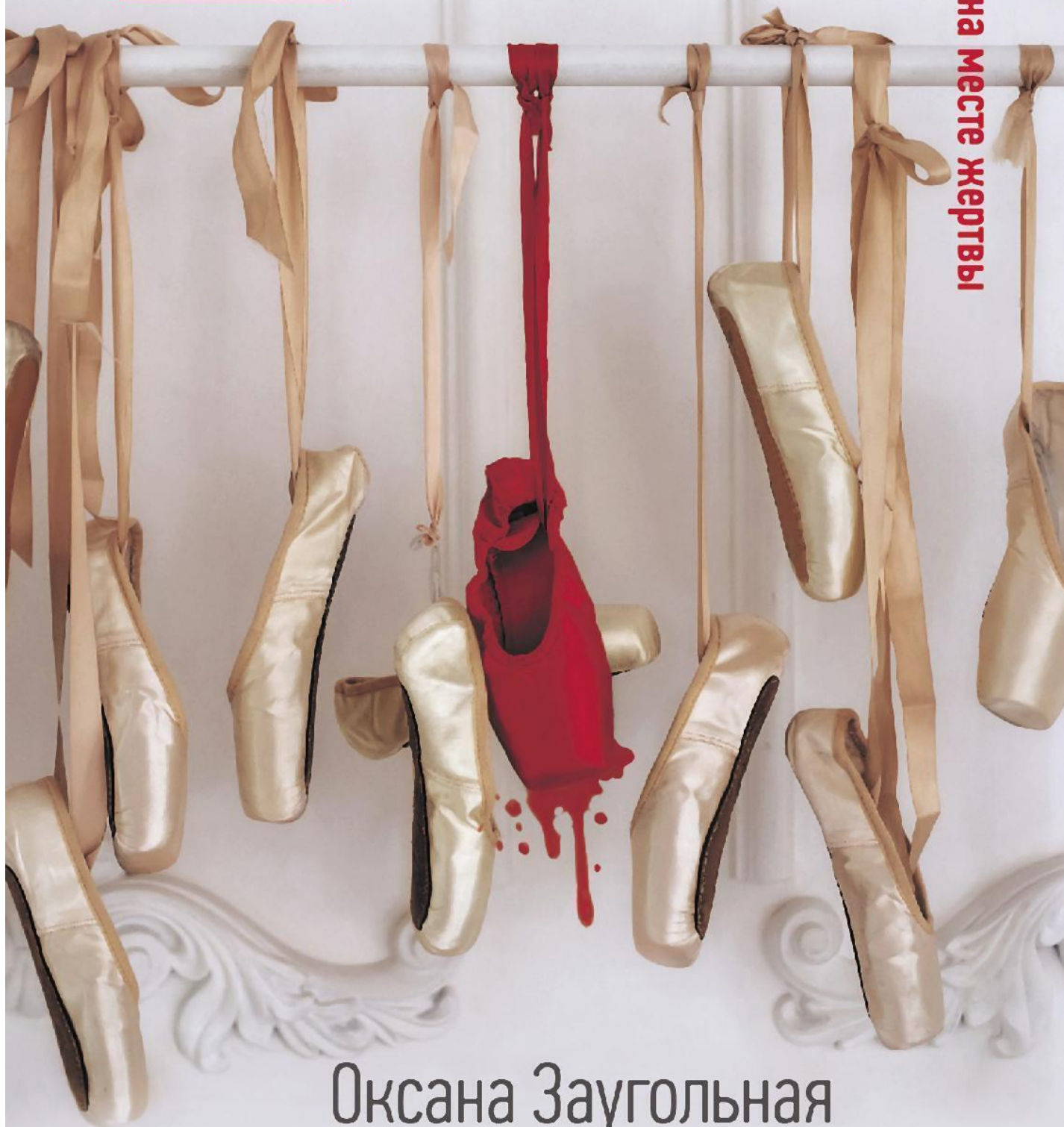

#триллер
#письма смерти
#под прицелом

на месте жертвы

Оксана Заугольная

АБСОРБЕНТ

МАНЬЯК, КОТОРЫЙ МЕНЯ ЛЮБИЛ

На месте жертвы

Оксана Заугольная

**Абсорбент. Маньяк,
который меня любил**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Заугольная О. О.

Абсорбент. Маньяк, который меня любил / О. О. Заугольная —
«Издательство АСТ», 2023 — (На месте жертвы)

ISBN 978-5-17-153966-5

Он любил ее так СИЛЬНО, что она не смогла ему отказать. Он так СИЛЬНО ее любил, что она не могла с ним оставаться. Он любил ее так СИЛЬНО, что не смог ее отпустить даже после смерти. Анна согласилась на неподходящего парня. Слишком любящего, слишком угодливого, слишком странного. Она и не подозревала, что любовь может быть такой удушливой, извращенной, пугающей. А потом Он умер, и Анна подумала, что свободна... Но Он продолжает разрушать ее жизнь. Анна получает письма с пугающими рисунками. Каждое новое письмо детальнее и кровожаднее предыдущего. И их автором может быть только Он. И скоро Он перейдет от слов к делу. Как ей спастись от Него, если даже смерть не смогла разлучить их?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-153966-5

© Заугольная О. О., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

1 глава	6
2 глава	9
3 глава	13
4 глава	17
5 глава	21
6 глава	25
7 глава	29
8 глава	33
9 глава	37
10 глава	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Оксана Заугольная
Абсорбент
Маньяк, который меня любил

Дизайн обложки: Юлия Межова

В оформлении обложки использована фотография из фотобанка Shutterstock.

Автор: stock_studio

© Оксана Заугольная, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

1 глава

Налить кофе из дурацкой, но невероятно дорогой кофеварки. Вытащить тосты. Глянуть на часы – на работу она успевает.

«И пусть на этом всё, – загадала Аня. – И тогда всё будет хорошо». В последние годы она стала очень суеверна и загадывала свое «всё будет хорошо» на всё: на одинаковые цифры на электронных часах, на грозу и даже на внезапно громкие чихи соседа сверху. Но получалось откровенно паршиво, словно она задолжала мирозданию или слишком многого хотела. Честное слово, пора было набраться смелости и конкретизировать это жалкое «всё»! Но это было еще одно суеверие – пока не называешь проблему вслух, ее вроде как и нет.

Жаль, что ее любовник этого не понимал вовсе. Вот и сейчас он возился в душе вместо того, чтобы спокойно досыпать, дожидаясь, когда она уйдет. Аня бросила взгляд на кофе, но подавила трусливое желание остаться без завтрака и сбежать, – пока еще успевает. Наоборот, упрямо намазала тост маслом, джемом и даже поставила вторую кружку. Вовремя.

Против воли она залюбовалась вышедшим из душа в одном полотенце мужчиной. Может, поэтому ей никак не везет, что все везение она выкинула на этого красавца?

А тот, словно не замечая ее взгляда, прошел прямо к кофеварке и налил полную кружку.

– Анна, ты снова кричала во сне, – заметил он, беря тост. Масло он отодвинул подальше, словно ненароком напоминая, что старается есть здоровую пищу и такие продукты держит дома только для нее. Мило, но раздражает. Как и почти все в нем, включая эту заботу. Аня стиснула зубы, чтобы переждать приступ раздражения, а потом криво улыбнулась.

– Ваха, я опаздываю на работу, – попыталась она снова. Эти разговоры ее выматывали.

– Тебе снова снился он. – Вахан проигнорировал немую мольбу. Он сел напротив, не обращая внимания на развязавшееся и сползшее с бедер полотенце. Ане бы такую уверенность в себе! Но чего нет, того нет. – Давай еще раз сходим к моему брату, он пропишет тебе таблетки.

Аня вцепилась зубами в тост, чтобы ничего не отвечать. Ваха уже водил ее к «брату», который приходился ему дальним родственником со стороны жены троюродного дяди или что-то вроде. Мало того что Гурам Каренович оказался гинекологом, что уже было слишком смущающим для Ани, так он при этом еще и с легкостью прописывал лекарства, которые Аня не стала бы пить, даже если бы их прописал психиатр. Похоже, они должны были избавить ее не от снов о Николае, а от снов вообще.

– Анна, – Вахан подпустил в голос те бархатные нотки, от которых у нее поджимались пальцы. Ведь знает об этом и беззастенчиво пользуется! – Ты же знаешь, как ты мне дорога. Я просто беспокоюсь о тебе. Если хочешь, мы можем уехать в другой город. Что скажешь? Брат давно зовет в Москву, там у программистов большие перспективы.

Аня позволила себе минутную слабость и представила это. Уехать в Москву. Затеряться в столице. Николай и его дурацкие письма никогда не найдут ее там, как и бывшие подружки, которые постоянно приходят именно в ее отделение банка, чтобы убедиться, что она все еще без кольца на пальце. Аня с сожалением отмахнулась от мыслей о переезде. Одно дело встречаться у него или у нее на съемной квартире и совсем другое – переезжать в чужой город с мужчиной, который не собирается на ней жениться. И снова заводить разговор об этом ей не хотелось. Хватило одного раза, у нее все-таки есть гордость.

– Нет, – только и ответила она коротко, поднимаясь, чтобы поставить кружку в посудомоечную машину. Но когда Вахану этого было достаточно! Он и без слов видел ее насквозь.

– Анна, ты же понимаешь, мы не можем сейчас пожениться, – мягко произнес он. – Моя мать слишком серьезно относится к традициям и надеется, что я женюсь на армянке. Я люблю тебя, но она моя мать. Подожди несколько лет, она привыкнет к мысли о тебе и захочет внуков больше, чем невестку-армянку.

– Я и не прошу, – вспыхнула Аня, чувствуя себя беспомощной от того, как легко любовник читал ее мысли. – И вообще, я опаздываю. Дай пройти.

Она попыталась обойти его, но Ваха ухватил ее за руку и усадил на колени.

– Однажды ты забудешь его, – уверенно прошептал он ей в губы. – Я заставлю забыть. И тебе буду сниться только я. Сны будут приятные.

Он поцеловал ее властно, пылко, совсем не как Николай, но Аня машинально прижала ладонь к животу, словно защищая его. Забыть Николая! Как бы ей этого хотелось. Только он все никак ее не отпускал. Она глянула на часы, но даже удвоенное 07:07 ее не обрадовало, она уже опаздывала на работу.

– Давай сегодня у меня? – попросила она, на ходу закручивая волосы в узел и пытаюсь в потымах попасть ногой в сапог. – А то я не высыпаюсь и на работу опаздываю.

– Я вызвал такси, звезда моя. – Ваха наконец накинул халат и вышел в прихожую вслед за ней. – Мне не хочется лишний раз ночевать у тебя. Твоя соседка – это просто кошмар. Мне кажется, она все время ждет, что я приду с огромным кинжалом, зарежу тебя, ее и еще ту мерзкую шавку со второго этажа, что по утрам тявкает в коридоре.

– Тебе не кажется, – пробормотала Аня себе под нос и вздохнула.

Такси – это хорошо, но это означало, что сегодня ей спать дома одной. Переезжать и тащить свои вещи к Вахану она не собиралась, а появляться на работе даже два дня подряд в одной и той же блузке было чревато сплетнями. К тому же у Вахи спокойнее было только из-за него самого. Аня не обманывалась – стоит ей переехать, и письма найдут ее и на новом месте, как нашли там, где она жила сейчас. И придется снова пить таблетки, может, даже те, что прописывал обходительный гинеколог.

Аня мельком глянула на себя в зеркало. Накраситься она опять не успела, так что будет радовать коллег и клиентов синеватыми кругами под глазами. Но разве она виновата, что у нее такая тонкая кожа? На лоб упала кольцом рыжая прядь, и Аня раздраженно сдула ее. Накинула пальто, которое галантно придержал для нее Ваха, и вылетела в коридор.

Такси уже стояло у подъезда. Аня привычно обошла его спереди, чтобы убедиться в том, что водитель не Николай, и наконец села на заднее сиденье. Теперь, когда Ваха ее не видел, она уже не скрываясь скользнула рукой под пальто, положила ее на живот и прижала плотнее, словно у нее болел желудок. Автомобиль мягко ехал по не таким уж хорошим дорогам, водитель плавно тормозил перед светофорами и объезжал внезапные препятствия, и Аня расслабилась. Она прикрыла глаза, откинула голову на спинку кресла и позволила сну вернуться.

Ваха сказал, что она кричала во сне. Что же, наверняка так оно и было. Ведь ей и впрямь снился Николай. Он склонился над ней низко-низко, так что она могла чувствовать его дыхание, и медленно гладил по щеке. А она не могла вскочить или отодвинуться. Аня знала, что во сне многим почему-то особенно тяжело убежать или даже просто отшатнуться. Вот и у нее снова ничего не вышло. Она не могла пошевелиться, даже когда Николай достал свой перочинный ножик – он его выиграл у Андрюхи в седьмом классе, Аня это хорошо помнила, – и срезал пуговицы на этой самой блузке, обнажая ее живот. А потом нож, как в масло, вошел в ее тело.

– Я обещал тебе, что ты не будешь ни с кем другим, – шептал Николай Ане, которая кричала от боли, но по-прежнему не могла даже отодвинуться от обжигающих ударов, наносимых этим небольшим ножиком. – Но по-моему не вышло, тут ты меня уела. Но ребенка ты не родишь ни этому красавчику, ни другому. Я клянусь!

Он запустил руку в ее внутренности, и в этот момент Аня широко открыла глаза. Ее голова дернулась от неожиданно резкой остановки.

– Приехали, – кивнул ей толстенький лысый водитель, ничем не похожий на Николая. – Хорошего дня!

– И вам, – прошептала Аня, с трудом отрывая ладонь от живота. Она машинально посмотрела на совершенно чистую руку и неловко выбралась из автомобиля. – До свидания.

Не оборачиваясь, она подошла к зданию банка и поднялась по ступеням. Глянула на часы. Благодаря Вахе она не опоздала, так что теперь было время немного привести себя в порядок.

Аня пошла в уборную, чтобы слегка подкрасить глаза и губы. Да и поправить форму лишним не будет. Похоже, юбка снова сидела кое-как, и надо было или расшивать эту, или заказывать новую.

«Если сегодня Вероника или Рита не явятся, то все будет хорошо», – привычно в очередной раз пообещала она себе, садясь на рабочее место.

Кажется, лимит удачи на сегодня был исчерпан, потому что Рита явилась еще до обеда. Аня в этот момент занималась вкладом особенно нудного и въедливого старичка, но, видит бог, она рада была бы заниматься им еще долго, если бы это помогло избавиться от бывшей подруги.

– Привет, Ньюра, – Рита всегда звала ее так, с того самого дня, когда в шестом классе Аня призналась, что ненавидит эту уменьшительную форму. Удивительно, что они после этого продружили аж до выпускного! А на него Аня пришла с Николаем, и дружба закончилась. Кто же знал, что Рита и сама имеет на Николая виды, хотя она постоянно пыталась свести их вместе?

– Мне кажется, или ты поправились с тех пор, как мы с тобой виделись?

– Я и не болела, – сухо ответила Аня расхожей шуткой из Интернета. Она на миг подняла голову и столкнулась с двумя взглядами – старичок тоже рассматривал ее с неподдельным интересом. И, видимо, больше для него, чем для Риты, – больно нужно тратить время на одноклассницу – добавила: – Моему мужчине не нравятся доски.

Старичок как-то уж больно довольно крякнул, а вот Рита не упустила случая съязвить:

– Может, он так просто говорит? Не вижу на твоей руке колечка.

Аня пыталась сообразить, что ответить, но, как назло, все остроумные ответы вылетели из головы. Может, зря она отказалась от прописанных таблеток, все равно ведь пьет успокоительные. Не отупела же она сама по себе!

Положение спас старичок.

– Девушка, – строго произнес он, глядя на нее. – Не отвлекайтесь от работы на посторонние разговоры, нам с вами еще долго сидеть, а у меня нет лишнего времени.

Аня поспешно извинилась и уткнулась обратно в бумаги. Но когда Рита отошла, старичок постучал костяшками пальцев ей в стекло и подмигнул. Только тогда она поняла, что на самом деле он не злится.

Какая-то польза от очередного визита Риты все-таки была – на обед Аня не пошла, и от сосущего ощущения в желудке ей казалось, будто она на глазах худеет.

– Зачем она приходила? – воспользовавшись перерывом между клиентами, крикнула она Гульнаре, работавшей в зале и объяснявшей посетителям, как пользоваться электронной очередью.

– Как всегда, только проверила счет, – крикнула в ответ та и, убедившись, что клиентов нет, подошла ближе. – Надо же, какая ты роковая женщина! Столько лет прошло, а тебя все школьные недруги преследуют!

«Если бы ты только знала, насколько я роковая, – пробормотала Аня, ловя еле заметное отражение в стекле своего „аквариума“. – А лучше бы я это знала. Отдала бы его Ритке, и пусть бы мучилась».

На деле же мучилась только она. Ее терзали угрызения совести, сосущий голод и страх. Сегодняшний сон был таким ярким, что казался вещим. Хотелось пойти в уборную, расстегнуть блузку и убедиться, что на коже нет следов от ножа. И хотя Аня знала, что Николай никак не может ей навредить, страх не уходил.

2 глава

Телефон звякнул сообщением, когда Игорь уже подходил к неказистому серому зданию, ничем, кроме количества этажей, не выделяющемуся на фоне унылых пятиэтажек вокруг. Он достал телефон и открыл сообщение.

«Удачного первого дня», – и дурашливый смайлик. Отправитель «Крыся». Игорь против воли ухмыльнулся. Подруга постоянно брала его телефон, чтобы исправить его «Кристина Бабенко» на вот это «Крыся». Видите ли, он бы еще «Кристина Витальевна» написал! Ей этого и на работе хватает. Игорь снова посмотрел на невзрачное здание, которое и было конечной точкой его пути, и вздохнул. Он не слишком рассчитывал, что его хотя бы здесь будут звать по имени-отчеству. А иногда хотелось. Кристинке хорошо морщить нос, в школе она работала достаточно, чтобы уже устать от этого официоза. Не то чтобы Игорь ради этого согласился бы пойти в школу, нет, но...

Он понял, что слишком долго мнется на пороге, и рассердился на себя. Нашел время зависать! А если новые коллеги наблюдают за ним из окон? Не хватало еще на все время работы прослыть каким-нибудь Лунатиком. И Игорь напустил на себя самый уверенный вид, какой только натренировал перед зеркалом, после чего наконец вошел.

Как оказалось, накручивал он себя напрасно. Миновав сонного дежурного, который без особого интереса позволил ему расписаться в журнале и получить ключ, Игорь обнаружил, что во всем отделе подпись стоит только напротив кабинета его начальника, с которым он уже был знаком. К нему-то он и направился.

– Здравствуйте, товарищ полковник, – Игорь заглянул в приоткрытую дверь. Эмиль Владиславович поднял голову от бумаг и кивнул.

– Игорь Валерьевич, – произнес он. – Что-то рано вы, за полчаса до начала рабочего дня. Тоже жаворонок или просто потому, что сегодня первый день?

Игорь смутился. Он уже был не рад, что заглянул, словно и впрямь хотел покрасоваться перед начальством.

– Не уверен, – признался он. – Я еще не понял, когда эффективнее работа пойдет.

– А вот это правильно, – одобрил начальник. – Хотя обычно график у нас нормированный, мы же не опера все-таки. Слышал, тебе приходилось с ними работать, да? У нас спокойнее. Обычно уже все мертвые до начала расследования.

Сказал он это с таким серьезным видом, что Игорь не решился рассмеяться. Вдруг это была не шутка?

– Ключ Санек тебе дал? – продолжил Эмиль Владиславович и, дождавшись кивка, удовлетворенно кивнул в ответ. – Ну и хорошо, иди, располагайся. Свой стол ты сразу узнаешь. Чайник поставь. Ника без кофе с утра и «здэрасте» никому не скажет, а я тебя именно к ней пока прикрепил, она тебе все покажет и объяснит. Усек?

– Усек, Эмиль Владиславович, – едва заметно улыбнулся Игорь. – Я пошел тогда.

– Иди. – И полковник снова уткнулся в бумаги.

Игорь прошел дальше по коридору и открыл кабинет. Теперь он сообразил, что имел в виду начальник, когда говорил, что он поймет, где его стол. Только один из пяти столов, самый дальний от окна, пустовал, остальные были заняты. На соседнем столе громоздилась целая гора папок, валялись отдельные листы, стояла грязная кружка из-под кофе и грошовая кошечка, качающая лапкой. На третьем столе папки лежали ровно и аккуратно, и стояло несколько фотографий, запечатлевших красивую блондинку, то в белом платье в объятиях высокого темно-волосого жениха, то в форме следователя. Игорю оставалось только надеяться, что это не та самая Ника, которая должна была его курировать. Такие женщины его пугали.

Игорь считал, что неплохо разбирается в людях. Конечно, хорошо бы сначала увидеть человека вживую, чтобы составить точное впечатление, а еще лучше поговорить, но до сих пор он не ошибался и так. И стол этой девушки внушал ему серьезные опасения.

Четвертый стол, похоже, принадлежал мужчине. Игорь давно заметил, что даже такие неряхи, как обладатель второго стола, под чашки и пирожные кладут бумагу, этот же стол был весь покрыт еле заметными кофейными кругами из-под чашек. Бумаг на нем было немного, зато стояли рамки с детскими фотографиями и несколько довольно уродливых пластилиновых фигурок. Только в одной, со скорлупкой от грецкого ореха вместо панциря, Игорь сумел узнать черепаху. На последнем столе, стоявшем от Игоря дальше всех, лежал перекидной календарь и пара папок, подписанных аккуратным почерком. И еще ежедневник.

Он обошел весь кабинет, взял чайник, набрал в него воду из кулера и щелкнул кнопкой, включая. Потом вернулся к своему столу и сел. Сфотографировал стол и послал Кристине. Получил в ответ смайл. Похоже, Кристина уже была в школе.

Игорь уже успел убедиться, что одно из важнейших качеств хорошего следователя – вовсе не цепкая память или аналитический ум, а умение ждать. Он это умел. Поэтому сел поудобнее, но так, чтобы поза не была вызывающей или развязной и чтобы легко было встать. И стал смотреть на дверь. Ждать ему пришлось недолго – он даже позу не успел поменять, – когда дверь открылась и вошла девушка.

Игорь по привычке мысленно описал ее себе, надеясь, что не шевелит губами. Жена брата Геля уже не раз смеялась над этим. Одетая девушка была аккуратно, смугловатое лицо было тщательно и при этом почти незаметно подкрашено – разбирался в этом Игорь тоже благодаря Геле. Темные волосы гладко зачесаны и собраны в аккуратный пучок. Одним словом, только по полуприкрытым глазам за узкими очками и отсутствию реакции на новичка Игорь понял, что это хозяйка самого неряшливого стола и по совместительству его куратор Ника. Он давно подметил, что одни люди предпочитают подчинять порядку окружающее пространство, а другие – себя. Успевать и там и там удавалось немногим.

Девушка подошла сразу к чайнику, достала кружку, сыпанула туда не глядя два пакетика кофе, залила кипятком и, лишь размешав горячую черную жижу, повернулась к Игорю.

– Доброе утро, – решил первым поздороваться Игорь. – Игорь Валерьевич.

Девушка отпила кофе и наконец полностью открыла чуть раскосые миндалевидные глаза. Они были бы красивыми, не сверкай в них такой недобрый огонек, которого не могли скрыть даже очки. Игорь затосковал. Похоже, не стоило так уж сильно надеяться, чтобы его куратором не окажется блондинка.

– Вероника Васильевна, – представилась девушка не здороваясь. – Но будешь так называть, мы не подружимся, Игорь Валерьевич.

– Игорь, – сдался Игорь.

Девушка сделала еще глоток и подошла ближе. С такого расстояния Игорь уже мог понять, что она выглядит намного моложе своего возраста. Как бы не оказалось, что она гораздо старше него. Впрочем, так, скорее всего, и было, раз ей доверили вводить в курс дела новичка.

– Ника. – Девушка по-мужски протянула руку, и Игорь поспешно поднялся и подошел, чтобы пожать ее. Вероника даже на каблуках была на полголовы ниже его, но при этом умудрялась смотреть сверху вниз. – Чайник поставил, а кофе не стал выкладывать и кружку какую попало ставить. Хороший знак. Может, и работаемся.

Игорь хотел было спросить, какие могут быть варианты, но Ника продолжила: еще не закончила.

– Расскажи о себе, только самое важное. Две минуты, – то ли попросила, то ли приказала она. И Игорь не решился ослушаться, только пообещал себе, что потом спросит у Эмиля Владиславовича, что это за методы. Разве не она должна ему тут все показывать и рассказывать?

– Закончил школу, пошел в армию, три года проработал в полиции, это есть в моем деле, – он сделал вдох и продолжил: – Поступил в наш ведомственный институт, закончил. Подал заявление на работу к вам.

Он снова вдохнул и непонятно зачем добавил:

– Есть невеста и собака.

Ника чуть поморщилась и залпом допила кофе, а кружку не глядя поставила на свой стол куда-то прямо в ворох бумаг.

– У меня кот, – пояснила она прорвавшуюся эмоцию и бесхитростно добавила: – Чтоб ты не думал, будто меня беспокоит, что у тебя есть невеста. Мне до лампочки. Но ты это сказал... потому что это важно или потому что я тебе настолько не понравилась?

– Важно, – твердо ответил Игорь, решив, что прямота не помешает. – Но отношений на работе все равно не приемлю. Мы же не в книжке какой-то.

В недобрых темных глазах наконец промелькнула и какая-то положительная эмоция.

– Ты прав, Игорек, не в книжке, – усмехнулась Вероника. – А значит, ты должен понимать, что работа наша куда скучнее, чем в полиции. Но ты почему-то не вернулся туда, хотя мог стать хоть криминалистом в УГРО, хоть следаком там же. А пошел к нам. Почему?

– Не нравится оставлять недоделанное. – Игорь развел руками. – Вы все самое интересное забираете, и до свидания. Хорошо, если кто-то расскажет, чем дело закончится. А просто находить трупы и опрашивать свидетелей мне уже недостаточно.

Вероника поджала губы и кивнула.

– Мы тоже периодически находим трупы или опрашиваем свидетелей, – ответила она. – Иногда по второму разу утюжим, чтобы ничего не упустить. Но я тебя поняла. Въедливый, значит. Это хорошо. Теперь давай знакомиться с остальными.

Игорь огляделся, но Вероника махнула рукой.

– Они придут ровно к планерке, – произнесла она. – Соседи раньше приходят, но выполнят только к ней же. С ними я потом познакомлю. Так что пока так.

И она подняла с соседнего стола рамку с фотографией блондинки.

– Лебедева Диана Константиновна. Замужем меньше года, всех уже утомила рассказами о семейной жизни. Но захочешь подлизаться, послушай про ее расчудесный брак. А ты захочешь, потому что Ди изумительна в бумажной работе. Память у нее великолепная, и она прекрасно знает, что гробит свой талант у нас. Все грозитя уйти в декрет, и это будет большая потеря для нашего архива. Пока есть, пользуйся.

Игорь кивнул, показывая, что понял. Вероника поставила рамку на место и, подойдя к следующему столу, двумя пальцами подняла с него пластилиновую черепашку.

– Смирнов Ярослав Романович, – глядя больше на черепашку, чем на Игоря, произнесла она. – На работе отдыхает, хоть и не признается в этом. Четверо детей, чтобы ты понимал. Не понимаешь? – Она усмехнулась. – Я тоже не очень, но, думаю, дома у него совсем весело. Вообще девчонки наши все от него без ума, потому что он всегда жалеет их за непростую женскую долю, в которой разбирается получше многих из них.

– Все, но не ты, – позволил себе Игорь.

– Всё так. – И снова в темных глазах мелькнуло веселое изумление, словно с ней заговорила кофеварка или табуретка. – Не люблю манипуляторов, а Ярик именно что манипулятор.

Она перешла к последнему столу, и Игорь двинулся за ней, чтобы Нике не пришлось повышать голос. Неловко выйдет, если коллеги явятся прямо посреди ее рассказа про них. Впрочем, если Игорь правильно понял, Веронику это вовсе не смутило бы.

– И наконец, Лебедева Мария Александровна. – Вероника присела на краешек самого пустого стола. – Не родственница Дианы и не родственница ее мужа. Просто однофамилица. Трудоголик. Ее еще здесь нет только потому, что она вторую неделю перед работой зависает

у экспертов. Мужчинам не помогает принципиально. Впрочем, и не вредит. Не будешь есть прямо перед ней котлеты или сосиски, и она тебя тоже не запишет во враги. Веганка она.

Судя по тому, как Вероника это произнесла, Игорь понял, что именно она периодически дразнит коллегу бутербродами с колбасой или чем-то подобным. Кураторша начинала ему нравиться.

– Ты не рассказала еще про одного человека, – заметил он и подошел к столу рядом со своим, на котором теперь в ворохе бумаг прятались уже две пустые кружки.

И снова удостоился веселого огонька в глазах. Что же, к этому можно было и привыкнуть!

– Ладно. – Она глянула на часы на руке. – Успеваем. Итак, Вероника Васильевна Иванченко. Тридцать пять лет. Окончила юрфак в гесе, раскрыла несколько не самых громких, но муторных дел. Сейчас занята делом душителя и очень злится от того, что маньяк после трех убийств, похоже, плотно залег на дно. Не замужем, есть кот Сатана.

Она снова посмотрела на свой стол, словно в первый раз его увидела.

– Кошмарная засранка к тому же, и лучше не брать с нее пример, работая с бумагами. Эмилю и одной такой с головой хватит.

Она замолчала и поправила очки. Игорь готов был поклясться, что она немного смутилась, но на лице это никак не отразилось. В это время дверь открылась и в кабинет заглянул какой-то высокий бородач.

– Ника, Эмиль только вас и ждет, – прошипел он. – Давайте резче!

Ника снова глянула на часы и поморщилась.

– И впрямь пора, Эмиль терпеть не может ждать, – пояснила она и заторопилась к двери.

Игорь подошел первым и придержал дверь, не удостоившись даже благодарного взгляда. И это было хорошо. Как там сказала Ника? Подружиться? Да, они вполне могли подружиться.

Шагая за бородачом, они миновали кабинет начальника и пошли дальше по коридору до конференц-зала, где вокруг длинного стола сидели незнакомые пока Игорю люди. Впрочем, он сразу узнал блондинку с фотографии. Два кресла слева от Эмиля Владиславовича были свободны. Игорь подождал, пока сядет Ника, и опустился рядом.

Бородач затерялся где-то на другом конце стола среди женщин, и Игорь сразу понял, что это и есть тот самый Ярик. С остальными ему еще предстояло познакомиться лично.

Когда закончится планерка.

3 глава

После работы Аня решила пройтись пешком. Погода, несмотря на стремительно и неожиданно для коммунальных служб начавшуюся зиму, стояла чудесная, и после напряженного дня прогулка казалась отличным решением. Рита не вернулась после обеда, Вика тоже не появлялась, и настроение у Ани немного улучшилось. Она даже подумала, что ей стоит завести домашнее животное, чтобы было к кому спешить домой. А Ваха... Что Ваха? Если он и впрямь ее любит, то выдержит и ее соседей, и кошку.

Аня поморщилась. Нет, кошка – это перебор. Ей бы что попроще. Без шерсти и лотка. Но при этом и не змею, змеи ей тоже не нравились. Интересно, игуане нужен лоток? Задумавшись, Аня свернула во двор и едва не налетела на человека.

– Анечка, замечталась? – раздался сладкий голос, в котором тем не менее звучал укор, и Аня с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. Как некстати! А она подумала было, что все неприятности этого дня уже исчерпаны.

Но она все-таки выдавила из себя дежурную улыбку – точно такую же, как в банке, – и ответила:

– Добрый вечер, Кира Михайловна. Задумалась что-то, простите.

Соседка по этажу мелко закивала, отчего ее высокий хвост, похожий на лошадиный, затрясся. Аня иногда гадала, почему соседка решила, что этот пергидроль и высокие хвосты молодят ее? Как и спортивная одежда. Она выглядела разве что нелепо, но никак не молодо.

Аня устыдилась своих мыслей. Сколько лет было соседке? Пятьдесят или пятьдесят пять? Когда-то Ане и тридцатилетние казались почти пожилыми, но сейчас, дожив до тридцати двух, она считала себя еще молодой. Как знать, может, в пятьдесят она будет себя чувствовать так же?

Она невольно окинула взглядом соседку, которая мялась у скамейки. Казалось, она не решается сесть, чтобы не выглядеть как классическая бабка у подъезда. Но при этом любопытство заставляло ее здесь торчать. А может, и Федор Иванович заставлял, и Аня бросила короткий взгляд на окно первого этажа, где жил этот персонаж – объект неумемной страсти Киры Михайловны, о чем был осведомлен весь двор.

Ваха, правда, утверждал, что сам он, пожилой одинокий мужчина, соседке без надобности. Ее больше интересует его двухкомнатная квартира, ведь сама Кира Михайловна жила в однокомнатной. А может, Ваха тоже ничего не понимал в тех, кому за пятьдесят?

– Одна сегодня, а где твой этот... кавказец? – Нелюбовь у Вахи с Кирой Михайловной была взаимной. Вот и сейчас соседка сжала губы куриной гузкой, и все ее тщательно замазанные морщины стали отчетливо видны.

– Он работает сегодня допоздна, – легко соврала Аня и двинулась к подъезду, всем своим видом давая понять, что разговаривать не настроена. Будто это могло кого-то остановить!

– А я уж обрадовалась, думала, бросила ты его, – вздохнула Кира Михайловна и засемила следом. Не иначе как устала торчать у подъезда. Или Аня показалась ей сейчас не менее перспективной жертвой, чем отчаянно отбивающийся от нее Федор Иванович.

Аня едва заметно вздрогнула. Да, именно жертвой она всегда и была. Может, старухи чувствуют это, как собаки чуют страх?

Не подозревая о том, что ее только что причислили к старухам, Кира Михайловна, по видимому, ободренная молчанием Ани, продолжала:

– Не нравится он мне, кавказец этот. Опасный человек. Увезет к себе, будешь пятой женой и в этой... парандже ходить!

– Кира Михайловна, Ваха православный, – вздохнула Аня, магнитным ключом открывая дверь.

Она решила все-таки пройти мимо почтовых ящиков и сделать вид, что что-то достает. А потом, если соседка тоже задержится, сказать, что пойдет пешком. Уж на это даже ради своей трескотни Кира Михайловна не согласится – идти до девятого этажа! Да она такой скандал закатила, когда лифт не работал, что не то что управляющей компании, а даже чертям тошно стало!

Лучше было ехать в лифте с соседкой, поняла Аня сразу же, как только поднялась по лестнице к почтовым ящикам. Две крайние круглые дырочки в ее ящике призывно желтели. И хотелось бы дать себе передышку, подумать о квитанции на квартплату или о чем-то вроде этого, но что тут подумаешь, если прекрасно знаешь, как выглядит квитанция. К тому же Аня уже усвоила, что дает именно такой желтоватый отсвет.

Руки дрожали так, что маленький ключик не с первого раза попал в щель.

– Письмо получила, Анечка? – Кира Михайловна к ящикам подниматься не стала, но и к лифту не пошла. Упыриха. Словно ей нравилось видеть, как нервничает Аня. – Хорошее?

– Не знаю, – Аня с трудом вытолкнула очередную ложь сквозь пересохшие губы. – Дома посмотрю. До свидания, Кира Михайловна, я пешком пройду.

Такой откровенный посыл поняла даже непробиваемая соседка и, снова поджав губки гужкой, двинулась к лифту. Возможно, она даже собиралась подождать на этаже, пока Аня поднимется по лестнице, но той было уже все равно. Едва Кира Михайловна исчезла из виду, как Аня забыла о ней.

Она поднялась еще на один пролет до окна и села на подоконник. Письмо положила рядом и чуть толкнула пальцем, будто дохлую бабочку или жука. Плотная желтоватая бумага конверта не скрывала его толщины, а значит, надеяться, что там нет очередного рисунка, не стоило.

Аня думала было выбросить его прямо сейчас в мусоропровод, прийти домой, включить какой-нибудь мозговыносящий сериальчик и отключиться под него на диване. Или сначала порвать конверт вместе с содержимым на мелкие кусочки? Нет, это сложно. Под пальцами снова оказалась плотная бумага, которая так тяжело рвется. Однажды Аня так уже делала, это не принесло успокоения. И сжигала, и даже закапывала. Правда, ни разу ей не удалось побороть это странное чувство, заставляющее перед экзекуцией над бумагой сначала вскрыть конверт и посмотреть, что там.

На что она надеялась? Аня не знала. Она машинально вытерла мокрые щеки рукавом и некоторое время смотрела на темные разводы от теней и тоналки на светлой куртке. Потом слезла с подоконника и уверенно зашагала вверх по ступенькам. Две, пять, десять... Стоп.

Она вернулась и подняла конверт. Сунула в карман, не заботясь о том, чтобы не смять, и снова зашагала вверх, но уже куда медленнее.

Открыла дверь и вошла в квартиру. И лишь защелкнув за собой замок и привалившись к стене, соскальзывая на пол и вытягивая ноги, Аня наконец дала волю слезам.

«Ты сама виновата, Аня, – глотая слезы, думала она. – И мама так думает, и Ольга Сергеевна. Вообще все! Ты сама во всем виновата!»

Успокоившись лишь спустя четверть часа, она поднялась на ноги и, пошатываясь, прошла прямо в обуви и куртке в ванную. Тут она тщательно умылась, потом отчистила пятно на рукаве и сбросила сапоги на пол. Ваха был бы в ужасе, но он с ней не живет, а значит, не его дело, как она раздевается в своей, пусть и съемной, квартире.

Аня бросила куртку на пол, предварительно достав из кармана конверт. Открыла она его уже в комнате и осторожно развернула лист А4, будто ожидала увидеть внутри яд, чесоточный порошок или взрывчатку. Чего только не выдаст измученный мозг!

Но, может, было бы и лучше, если б там оказалось что-то подобное. Даже соль и пестрые перышки, которые Коля слал ей иногда еще в школе, якобы «заклятые ведьмой на любовь», не так пугали, как эти рисунки. Новый рисунок мало чем отличался от нескольких предыдущих.

Когда Николай понял, что она не вернется к нему и будет жить своей жизнью? В больнице, куда его отправили по решению суда? Или позже? Аня не помнила. Но с тех пор его письма все время неуловимо менялись, и рисунки все чаще сопровождались анатомическими подробностями увечий, которые он нанесет Ане, чтобы она навсегда осталась одна. И с лица, за которое Аня перестала бояться еще лет десять назад, он перешел на тело.

Вот и в этот раз так же. Аня бездумно коснулась и скользнула пальцем по бумаге, обводя изгибы своего нарисованного тела. Недостаток художественных навыков Коля всегда компенсировал мельчайшими подробностями, и в который раз к страху и отвращению Ани примешалась досада. Если бы она тогда не пошла на поводу у окружающих, не поддавалась слабости, не поверила бы, что это и есть настоящая любовь, разве сейчас ей было бы так страшно?

На рисунке разрез был изображен крест-накрест, кожа отведена в стороны аккуратными треугольничками, как на средневековых гравюрах. Как и там, жертва, то есть она, Аня, была еще жива и, казалось, сама с неудовольствием взирала на беспорядок в своих внутренностях. Ане оставалось надеяться, что и внутренности Николай срисовывал с гравюр или из анатомического справочника, а не вскрывал кого-то для этого. Все вокруг в один голос твердили, что это лишь эпатаж, и Николай физически не способен на то, чтобы реально кого-то вскрыть, даже труп, но Аня больше не верила им.

С трудом отведя взгляд от развороченного нутра, находящегося точно под ее крупной родинкой чуть ниже груди и до завитков внизу живота, Аня посмотрела на темную кляксу, которая вела от живота в сторону. На краю стекающей кляксы была тщательно вырисована матка. Аню замутило, как и этим утром, когда она вспомнила сон, и она снова коснулась живота. Кажется, Коля, словно зверь, чуял, что ее пугает больше всего. Маленькие женские хитрости не помогали преодолеть страх. Ни новая съемная квартира, ни новый парень, который, в отличие от предыдущего, не считал ее чокнутой и заочно не боялся преследующего ее психопата, ни эпиляция, благодаря которой рисунки Николая хоть немного, но стали менее точными, – ничто не помогало.

Аня иногда думала о том, чтобы удалить все родинки, а может, даже самой сделать гистерэктомию в больнице... Впрочем, обычно это означало, что пора менять таблетки, переставшие помогать, или менять дозу.

Аня вздрогнула и мотнула головой. Нет, она будет сильнее. Она даже не станет уничтожать рисунок, как бы сильно ей этого ни хотелось. Положит его к другим. Как свидетельство. В прошлый раз такие рисунки помогли ей надолго избавиться от Николая. И его родственников, которые до этого названивали, утверждая, что она портит мальчику жизнь. Впрочем, их бывшая классная руководительница Ольга Сергеевна до сих пор считала, что во всем виновата Аня, но ведь и в школу ходить ей больше не надо.

Аня разгладила рисунок, который уже успела немного смять, открыла нижний ящик стола и кинула листок туда, сунув следом и конверт. Потом открыла адресную книгу в телефоне и нашла номер, по которому не звонила уже несколько месяцев.

– Оставьте сообщение для Лебедевой Дианы Константиновны, – произнесла она, радуясь, что даже голос не дрожит. – Анна Максимовна Васятко. Да. Да, он снова прислал письмо. Да, угрозы. Нет, она просила обращаться напрямую к ней, а не к участковому. Спасибо.

Она положила трубку и прикрыла глаза, пытаясь отделаться от четкой картинки. Яркая блондинка из следственного комитета ей скорее даже нравилась. Правда, Ане казалось, что если бы она не вышла замуж несколько месяцев назад (Аня даже думала поздравить ее, но потом решила, что это будет неуместно), то превратилась бы в новую Киру Михайловну через несколько десятков лет. Любопытная, активная и внимательная к деталям, она тогда действительно сумела помочь. И вскоре быстро потеряла интерес к делам Ани. Аня не жаловалась – всегда хорошо, когда тобой перестают интересоваться следователи и криминалисты. Главное,

чтобы после этого тобой не заинтересовались патологоанатомы. Но именно для этого Аня и звонила раз за разом Диане, разве нет?

Диана поймет. Она одна из немногих, кто не считал, что Аня сама виновата. Последние полгода следователь просто думала, что Аня чокнутая. Но это такие пустяки.

4 глава

Игорь довольно быстро понял, что планерка проходила скорее для галочки. Ему еще предстояло разобраться, всегда ли так или это ему просто повезло. Каждый знал, что он должен делать, и на вопрос начальника бодро отвечал: «Делаю, Эмиль Владиславович», «Почти готово, Эмиль Владиславович» или «Сегодня в архиве, помню, Эмиль Владиславович». По ходу дела Игорь наконец разобрался, с кем из присутствующих он будет делить кабинет. Рыжий бородач, которому пошел бы свитер и должность сисадмина или профессия геолога, оказался Ярославом, блондинка ожидаемо ответила на вопрос, адресованный Диане, строгая брюнетка рядом оказалось той самой ее однофамилицей Марией. Игорь подумал, что он не знает никого, кому бы так не подходило имя Маша. Мария или даже Мария Александровна, и никак иначе!

Но больше всего Игоря беспокоило то, что ему не дали никакой «разнарядки». Его представили, и Игорь даже неуклюже выполз из кресла, чтобы все коллеги могли его рассмотреть, но и только. Спрашивать у начальника он постеснялся, надеясь, что узнает у Ники. И только если и она отмахнется, тогда пойдет к Эмилю Владиславовичу. Потому что сидеть и смотреть, как другие работают, он не собирался. И уж точно не хотел первые несколько недель пробегать за кофе или пиццей. Он слышал, что такое тоже бывает. Проверяют.

К счастью, ему не пришлось ничего спрашивать. Едва они вернулись в кабинет, как Ника постучала по своему столу, и коллеги потянулись к ней с какими-то исписанными листочками. Они насмешливо и в то же время чуть виновато улыбались Игорю, проходя мимо него, сдавали листки Нике.

– Свеженькая, вчера только получила, уже уточнила, что сегодня после обеда будет дома, – похвасталась Диана, положив свой листок, и Игорь начал догадываться, что это.

– Чокнутые, поехавшие и прочие параноики, – подтвердила его опасения Вероника. Игорь едва удержался от того, чтобы покивать. Он знал, что это значит. На участке такие тоже были, звонили по любому, самому ничтожному поводу. И игнорировать их было никак нельзя. – Но на любое заявление мы обязаны отреагировать. Иногда среди всего этого мусора попадают серьезные вещи.

Она быстро просмотрела листки.

– В основном тут жалобы на преследования, и кого-то из этих людей действительно преследовали или преследуют, – пояснила Вероника, обращаясь уже только к нему. – Материалы дел, по которым они проходят, пока не бери, разберешься на месте, свежим взглядом посмотришь. Тут только рецидивисты.

Диана хихикнула и смущенно отвернулась. Что-то не так с ее «рецидивистами»? И не спросишь. Проверка как есть.

Игорь взял листы.

– А разве этим не должны заниматься дознаватели из полиции? – поинтересовался он.

– Разумеется, – согласилась Вероника. – Но у нас тут правило: каждый должен подделывать любую работу с низов, на какую хватит квалификации. Когда знаешь изнутри всю кухню, меньше возникает вопросов, мол, почему так долго, да чем вы там вообще занимаетесь.

– Чтобы нос не задирала, – хмыкнул Игорь, вспомнив, как работал в полиции и как к нему относились «чистюли» из следкома. Вот те нос задирала еще как! Снизойти до простого участкового для них было слишком. Да и он с ребятами к ним относился соответствующе. Что ж, может, здесь будет по-другому. И если для этого нужно «побегать по психам», то он побегаёт. Не развалится.

– И для этого тоже, – согласилась Вероника. – А еще ты нам свои впечатления потом расскажешь – каждому про его список, мы посмотрим, какой у тебя потенциал, да и вдруг правда что-то серьезное увидишь. Любой может пропустить что-то важное.

– А некоторые не только могут, но и пропускают, – добавила Мария, и все рассмеялись, словно это была какая-то известная всем шутка.

Игорь кивнул и подошел к своему столу. Стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды, он сел и разложил листки на столе. Расположил их в зависимости от адресов по оптимальному маршруту, учел время, когда с ним могут встретиться и поговорить те, кто работает. Их было немного. Похоже, паранойей порядком мешала делу. Работающих Игорь выделил отдельно. Эти могли оказаться самыми интересными. Жаль, что нельзя было посмотреть дела и проверить, с чем они обращались раньше, узнать хотя бы возраст. Но нет так нет.

Игорь почувствовал азарт. А что, если он и впрямь найдет что-то важное и спасет чью-то жизнь? Ника ведь намекнула, что здесь не все симулянты. Он сам сто раз читал про случаи, когда человеку никто не верил, а дотошный следователь понимал, насколько все серьезно! Начать работу со спасения чьей-то жизни – это бы убедило его семью, что он не зря пошел по этому пути. Не слишком часто и больше вскользь на воскресных обедах звучало, что ему стоило пойти как и брату – в ГИБДД. Вадик считал, что следователь – это слишком. Слишком опасно, слишком сложно. И брата хотелось переубедить больше всего. Игорь взял первый адрес.

– Романова Ксения Ильинична, – прочитал он себе под нос. – Ну что ж, давайте познакомимся, уважаемая Ксения Ильинична.

– Удачи, Игорек, – хмыкнула Вероника, и Игорь понял, что этот листок был подложен самой кураторшей. Что же, это могло быть интересно.

Он вышел на улицу и надел капюшон. Сильно похолодало, и в который раз он пожалел, что не послушал Вадика и не купил автомобиль, хотя бы в рассрочку. С другой стороны, все объекты жили в одном микрорайоне, а значит, пройдет пешочком. Не готов он пока к ипотеке добавлять еще и кредит на машину. Так они с Кристиной никогда не поженятся.

Словно подслушав его, тренькнул телефон – новая порция смайликов от Крыси. Лицо невольно озарилось улыбкой, и она не исчезала всю дорогу до дома Романовой. Когда он поднялся по лестнице, пришлось забыть о Кристине и обо всем остальном. Ксения Ильинична была дома, но в квартиру его не пустила.

– Я знаю, вы от Митрофана, я открою, а он набросится на меня и изнасилует прямо в прихожей, – тоненьким, почти детским голоском пожаловались из-за двери.

Игорь даже оглянулся – не вышел ли кто-то из соседей посмотреть на пособника насильника? Но, похоже, соседи были нелюбопытные или работающие.

– Ксения Ильинична, я из следственного комитета. – Игорь сунул в глазок свеженькую корочку. – Я по поводу вашего последнего обращения.

– Нет, в это время приходит только Митрофан, он следит сначала под окнами, а потом поднимается в подъезд, – отозвались из-за двери. – Уже неделю снова ходит!

Игорь взбодрился и напрягся одновременно. С одной стороны, на первом же вызове поймать правонарушителя, да еще предотвратить преступление вроде такого – это здорово. С другой стороны, Игорь достаточно проработал в полиции, чтобы не видеть в этом ничего здорового. Участковым потому быть плохо, что по своим участкам они ходят по одному, а случиться может что угодно. С учетом своего опыта, Игорь вовсе не мечтал схватиться один на один с неизвестным наглым Митрофаном, который ежедневно достает интересующую его девушку. А вызывать кого-то для помощи... вдруг это все-таки пустышка? Вероника не выглядела как человек, способный ради шутки всерьез навредить коллеге. А своему чутью Игорь доверял.

Устав разговаривать с Ксенией Ильиничной через дверь, он набрал ее номер телефона, который был записан на листке. А сам спустился на один пролет, чтобы видеть дверь и успеть среагировать, если Митрофан пройдет нетривиальным путем, например через чердак из другого подъезда, и продолжил разговаривать с девушкой уже по телефону. Даже став за время разговора Ксюшей, Романова тем не менее не согласилась впустить следователя. Игорь уже поду-

мывал позвонить Веронике и уточнить информацию, когда дверь подъезда хлопнула. Игорь напрягся. Тяжелые шаги становились все ближе, Игорь привычным жестом коснулся бока, где уже не было никакого пистолета, и сник, но тут же снова напрягся, готовясь к встрече с преступником. В голове мелькнула мысль, что делать, если это окажется кто-то из жильцов. И тут он его увидел. Нет, их. Их было двое – мужчина и женщина. Игорь, быстро оглядев их с головы до ног, убедился, что никакой опасности они не представляют. Между тем, они тоже осматривали его.

– Новый следователь? – неожиданно спросил мужчина. Игорь кивнул. Мужчина повернулся к спутнице. – А я говорил, что Ксюха своими звонками доведет Веронику Васильевну, а ты твердила, что она в ремиссии. Вот тебе и ремиссия!

Игорь зацепился за прозвучавшее имя своей кураторши и не сразу понял, о чем говорит мужчина. Только сообразил, что это, вероятно, родители Ксении Ильиничны.

– Давно стоите, молодой человек? – тем временем участливо спросила женщина. – Пойдемте, горячего чая попьете, мы пока карету вызовем.

– Карету? – повторил Игорь, уже ничего не понимая.

– Надо снова взять ее к врачу, раз опять обострение, – пояснил мужчина. – А без санитаров она не выйдет, проверено.

– А Митрофан?.. – неуверенно уточнил Игорь, поднимаясь за парой обратно к квартире. – Его не существует?

– Существует, – вздохнула женщина. – Знаете, может, известный блогер такой?

Игорь собирался помотать головой, но вспомнил, что это имя упоминала как-то Геля, которая за неимением собственной интересной жизни постоянно делилась событиями, происходящими со всякими популярными людьми.

– Это у которого четверо детей? – неуверенно спросил он.

– Пятеро. – Мужчина открыл дверь ключом. – И это только от официальной жены.

Игорь почувствовал себя глупо. Как он сам не сообразил, кто это. Ведь Митрофан – довольно редкое имя. Нужно было не уговаривать открыть дверь, а расспросить подробнее о Митрофане, может, она и открыла бы.

– Ну-ну, не расстраивайтесь, Игорь Валерьевич. – Его пустили в квартиру, ознакомившись с корочками, и теперь мать Ксении пыталась его утешить. – Ксюша очень изобретательна в деталях.

Она бодро улыбнулась, как улыбаются люди, пытающиеся показать, что приняли свою потерю. Так улыбалась мачеха Игоря после смерти его отца. Плохая улыбка.

– Она вообще хорошая девочка, – добавила женщина торопливо. – Просто гены...

И она расплакалась. Игорь был прав. Утешать ее не пришлось, извинившись, она вышла в другую комнату. А Игорь беспомощно топтался в гостиной с чашкой чая в руках, пока вызванные санитары при нем не заполнили все документы и не увели тоненькую, похожую на подростка, светловолосую девушку. Ей можно было дать лет пятнадцать, хотя по паспорту уже исполнилось двадцать.

Игорь скомканно попрощался и вышел. По следующим трем адресам проживали мужчины, которые свободно открывали двери и были готовы пообщаться. Из разговора Игорю стало ясно, что обострение затронуло не одну Романову. Подозревались: соседи, инопланетяне и снова соседи. Только во втором случае соседи якобы хотели не убить несчастного и отнять его квартиру, а продать его втридорога за границу, где была нехватка завидных женихов. От этого персонажа Игорь вышел с гудящей головой и позволил себе зайти в кафе и взять стаканчик кофе. Хорошо еще, что осталось совсем немного адресов. Надо же, он был уверен, что обострения шизофрении бывают только весной и осенью! Хотя, судя по всему, диагноз шизофрения подтвердился только у Романовой, но Игорь с удовольствием отправил бы полечиться их всех.

Как бы там ни было, ему предстояла еще одна встреча. Она особенно интересовала Игоря, потому что общаться предстояло с работающей девушкой.

Звонить в домофон не пришлось, дверь открылась изнутри, пропуская крошечную девочку с большой собакой. Измученный пространными разговорами, Игорь решил, что это хороший знак. Он поднялся на лифте на девятый этаж и только собрался позвонить, как открылась соседняя дверь и из нее выглянула женщина неопределенного возраста. Игорь таких хорошо знал: на вид не поймешь, то ли ей тридцать пять, то ли пятьдесят пять, и поди ошибись в любую сторону, может обидеться.

– Вы новый молодой человек Анечки? – ласково улыбнулась она. – Я очень рада. Как вас зову...

Кажется, Игорь инстинктивно нажал на звонок, потому что дверь квартиры распахнулась и перед ним появилась хозяйка.

– Это не мой молодой человек, Кира Михайловна, – с едва скрываемым раздражением произнесла девушка. – Это... мой коллега по работе.

Собравшийся было возразить Игорь понятиливо кивнул. Знать бы, на что он еще подписался. Заодно порадовался, что не расстегнул куртку. По форменным брюкам догадаться, кем он работает, было сложнее, чем по кителю.

– Какие симпатичные молодые люди идут работать в банк, – кокетливо подмигнула ему Кира Михайловна. – Но вы не смотрите, что Анечка такая бука, служебный роман – это так романтично!

Возможно, она хотела сказать что-то еще, но дослушать Игорю не дали – девушка дернула его на себя, втягивая в квартиру и захлопывая дверь.

– Простите за это, – выдохнула она и поправила волосы перед зеркалом. – Кира Михайловна – женщина безвредная, но страшно любопытная. К тому же она уверена, что мой парень хочет затащить меня в гарем или убить. Только из-за его внешности, между прочим.

– А вы так не думаете? – осторожно уточнил Игорь. – Анна Максимовна...

Девушка повернулась к нему и посмотрела внимательно, словно только сейчас поняла, что впустила в квартиру незнакомца, не проверив даже его документы.

– Вы вместо Дианы, да? – наконец спросила она. И, увидев кивок, не стала проверять его корочку, а указала на тапки в углу и мотнула головой в сторону кухни. – Надевайте и проходите, я вам все объясню.

Утешив себя тем, что девушка производит впечатление здравомыслящей и не подозревает всех подряд, как Сидоренко с предыдущего адреса, который пытался попробовать удостоверение на зуб, Игорь послушно сменил ботинки на тапки и повесил куртку, после чего прошел на кухню. Девушка стояла спиной к нему и варила кофе. Настоящий кофе в турке! Это подняло рейтинг доверия к ней еще на пару пунктов. На вид она была куда спокойнее предыдущих «жертв». Ну и кофе. Кофе Игорь любил.

Анна повернулась, поставила крошечные чашечки, разлила кофе и сразу же все испортила, едва открыв рот:

– Меня хотят убить и вырезать матку, – заявила она, пристально глядя ему прямо в глаза.

5 глава

Хорошо еще, что следователь не успел отпить кофе. Ей не стоило так сразу переходить к делу.

– Прошу прощения? – тихо произнес он, определенно стараясь следить за лицом.

Помогло не очень, Аня гордилась своей обостренной наблюдательностью.

Она поморщилась.

– Диана Константиновна вам ничего не рассказала? – уточнила она и тут же добавила: – Позвольте ваши документы. Пожалуйста.

Она мысленно отругала себя, что только сейчас вспомнила об этом. Диана показывала документы у дверей каждый раз. Но следователь безропотно протянул корочку.

– Новенький, отправили к надоедливym чокнутым, – резюмировала Анна и невесело усмехнулась, увидев, как дрогнули губы мужчины. – Простите за прямоту, но даже в банке делают так же, новичков и проштрафившихся кидают на самых нудных и вредных клиентов.

– Вам часто приходилось с такими работать? – спросил он, и глаза его расширились, похоже, сам не ожидал от себя такого. А Анна почувствовала к нему симпатию.

– Часто, – не стала скрывать она. – Я иногда опаздываю на работу, и у меня время от времени бывают очень длинные обеды.

Она снова поморщилась, ей не хотелось рассказывать про бывших подруг и надоедливых родственников. К счастью, следователь... Игорь Валерьевич расспрашивать и не стал. Он мелкими глотками пил кофе, цепким взглядом окидывая кухню. Наконец его взгляд остановился на упаковке таблеток, но Аня была готова к этому.

– Я не шизик, ничего такого. Пью прописанные врачом таблетки, просто тревожность и депрессия, – пояснила она, гордясь своим спокойствием.

Игорь Валерьевич склонил голову набок и спокойно произнес:

– Я не врач, Анна Максимовна. Вы правы, я новенький в отделе, но не в профессии. И пришел к вам, чтобы выслушать лично, не опираясь на мнение Дианы Константиновны. И понять, чего вы конкретно опасаетесь.

Начало было хорошим, но окончание все смазало. Анна разочарованно вздохнула и начала:

– Я сказала, что меня хо...

– Вас хотят убить и вырезать матку, – без запинки повторил Игорь Валерьевич, лицо его не дрогнуло. Плохое воображение или крепкие нервы? Аня знала, что многие мужчины ненавидят упоминания женских органов.

– Расскажите поподробнее, не пропускайте ни одной детали.

Что ж... Аня была готова и к этому, едва увидела вместо Дианы нового следователя. Они всегда хотели ее выслушать. Прямо психологи и Шерлоки в одном лице. Каждый мнил себя особенным и способным найти зацепку и каждый считал, будто ей будет приятно выговориться. Только приятно вовсе не было. Она бы предпочла вовсе ничего не рассказывать про Колю, потому что... она сама была виновата.

Все это хотелось оставить при себе, но Игорь Валерьевич так вкусно пил сваренный ею кофе и так внимательно смотрел своими светлыми глазами из-под темных бровей, что получилось ровным счетом наоборот.

– Понимаете, Игорь Валерьевич, это я во всем виновата, – произнесла она и нервно дернула себя за кончики волос. – Я... я не знаю что, но что-то я точно должна была сделать не так.

С Николаем Рассохиным, а точнее мальчиком Коленькой, Аня познакомилась в четвертом классе. Может, он и пришел в него раньше, но Аня плохо помнила первые три класса и общалась только с теми, кто сидел поблизости. Так делали многие. А Коленька был тихим,

незаметным мальчиком, почти на голову ниже Ани, которая и сама не была такой уж высокой. А в четвертом классе случилось сразу несколько вещей.

Сначала Коленька заболел ветрянкой. Перенес он болезнь не очень хорошо, на лице остались следы от расковыранных оспин, да и много уроков пропустил. И, чтобы он мог быстрее нагнать пропущенный материал, учительница посадила его с Аней. Аня, конечно, жалела слабенького с виду мальчика, но он ее раздражал. Никак не заживающие ранки на лице вызывали брезгливость, неприятно было и то, как Коленька постоянно бороздил носом ее тетрадку, когда сверял домашку, а проще говоря – списывал.

Но понимания ее недовольство не вызвало. И классная руководительница, и мама не раз укоряли ее за брезгливость к болезненному мальчику. И, не иначе как для того, чтобы преподать ей урок, учительница оставляла ее рядом с Коленькой и в следующие четверти, а потом, похоже из чистой вредности, передала вместе с Коленькой классной руководительнице пятого класса, Ольге Сергеевне.

Аня хотела сидеть со своей подружкой Ритой, кажется, плакала и стучала ногами, но в ответ получила только поджатые недовольно губы классной, которая пожурела, мол, ты же девочка, как можно так себя вести? И потом, она хорошо влияет на мальчика. Или он на нее. И Ане пришлось смириться.

А потом Коленька влюбился.

Аня поставила вариться новую турку кофе. Чтобы передохнуть. Передернула плечами, стряхивая с себя гадкие воспоминания. Понимал ли этот следователь с таким внимательным взглядом, как ей было мерзко? На словах все выглядело совсем не так. Казалось, будто все нормально. Когда Аня проговаривала это вслух, у нее самой создавалось впечатление, что она себя просто накрутила. Но воспоминания никуда не делись. И чувства были такими же сильными, как в детстве.

– Я так понимаю, влюбился он именно в вас, – прервал тяжелое молчание следователь. Аня кивнула, так и стоя к нему спиной, но следующие слова заставили ее замереть. – И тогда он стал нарочито душить вас этой любовью, показывая ее больше другим, чем вам, так?

Аня обернулась и снова окинула следователя взглядом. Что она упустила? Он был как она или... как Николай?

У следователя легонько дрогнул краешек губ – слабый намек на улыбку.

– У меня невеста работает в школе, – пояснил он. – Учителем физкультуры. Именно на ее уроках больше всего клоунских выступлений таких вот влюбленных.

Он сделал жест кавычек пальцами и продолжил:

– Не секрет, что с любовью это не имеет ничего общего. Это как курить за школой. Кто-то показывает свою взрослость, таскаясь с сигаретами или вейпом, а кто-то демонстрирует, что уже всерьез интересуется девушками.

– А вы что делали, курили или заигрывали с девочками? – Аня и сама не знала, зачем спросила. Что ей за дело до этого следователя, которого она наверняка больше не увидит. Но его уверенность ее разозлила. Тоже мне, великий психолог! И Аня не знала, злится она на него, на его неизвестную невесту или на то, что вокруг нее тогда не было таких понимающих взрослых.

Следователь чуть прищурился.

– Тогда мне было не до этого, а позже никого уже нельзя было удивить чем-то таким. У меня как раз появились брат и мачеха, этим я и был занят.

– Простите, – буркнула Аня, сообразив, что влезла во что-то очень личное.

Игорь Валерьевич чуть приподнял удивленно брови.

– Вы спросили – я ответил, Анна Максимовна, ничего страшного, – мягко произнес он. – Так что там было дальше?

Аня поняла, что ей действительно хочется все рассказать. О том, как Коленька преследовал ее своей любовью, пытался взять за руку, поцеловать, а когда не удавалось, хватал ее учебники, ручки и пенал, целовал или даже облизывал их. В классе все смеялись. Но почему-то не над Колей, а над ней. Над ее паникой и отвращением, когда она шла мыть или вытирать свои вещи, когда пыталась отодвинуться подальше за партой.

Она сумела убедить маму, что не пойдет больше в школу, если ее не пересадят от Коли. И только тогда ей наконец разрешили пересесть. Но это не помогло...

Аня прервала рассказ через час или полтора, чтобы налить воды. Кофе в нее больше не лез, как, похоже, и в следователя. Полупустая чашечка так и стояла перед ним недопитой.

Глянув на часы, Аня мельком подумала, что у Игоря Валерьевича уже закончился рабочий день, и рассердилась на себя. За то, что беспокоилась о чужом времени, за то, что разболталась, и непонятно, слушает ли ее вообще следователь или отключился где-то в районе восьмого класса и теперь просто профессионально смотрит с умным видом, а сам думаем о своем.

Словно в ответ на эти упаднические мысли Игорь Валерьевич едва заметно мотнул головой, стряхивая сонное оцепенение, и произнес:

– Анна Максимовна, у меня остался последний вопрос. Почему вы утверждаете, что сами во всем виноваты?

У Ани было такое чувство, словно она открыла теплый душ, а попала под обжигающе холодный. Она поняла этот его взгляд. Да и вопрос был так построен, что сомнений не оставалось. Следователь слушал не из желания найти какую-то зацепку и даже не из интереса. Он просто пытался понять, логично ли она выражает свои мысли и не понапридумывала ли всякого. Одним словом, чокнутая она или ей и вправду есть чего бояться.

Но злость на него быстро прошла. Она все равно уже почти дошла до того, чтобы считаться душевнобольной со всеми своими страхами, и не его вина, что она ждала от слушателя понимания. Всерьез. Ничего себе, как она отчаялась! И это тоже не проблемы этого следователя, если уж на то пошло.

Она выпила полстакана холодной воды и выдохнула:

– А мы почти дошли до этого. В одиннадцатом классе мы начали с ним встречаться.

Она внимательно смотрела Игорю в глаза, пытаясь понять, что он чувствует. Разочарование? Удивление? Но он лишь моргнул, а потом кивнул каким-то своим мыслям.

– Почему? – произнес он и поспешил уточнить: – То есть были ли еще какие-то причины, кроме, как в известном анекдоте, простите за грубость, проще дать, чем объяснить почему нет?

Аня против воли хихикнула и покачала головой.

– И это тоже, конечно, – согласилась она. – Тяжело сопротивляться, когда подруги считают, что такой любви больше не встретишь и надо быть круглой душой, чтобы игнорировать это, мама думает, что я напрасно выпендриваюсь и воображаю, что встречу какого-то принца. Ну да и в школе все к тому времени знали, что Коля от меня не отступит, и встречаться со мной никто не решался. А вне школы...

Аня никому об этом не рассказывала и замолчала, пытаясь убедить себя, что это не имеет отношения к Коле и их истории. Столько лет прошло, столько куда более неприятных вещей с ней случилось, а эти липкие прикосновения полужнакомого парня на дискотеке в лагере она помнила до сих пор. Он успел залезть рукой под кофточку и бесцеремонно сунуть язык ей в рот, но Ане этого хватило. Она сбежала раньше, чем он отважился на что-то большее. По сравнению с этим грубым почти незнакомцем Коля и впрямь казался верхом галантности и романтики. Она больше не ходила на дискотеки в ту смену, избегая и того парня, и новых попыток завязать какие-то отношения. А когда начался последний учебный год и она столкнулась с грустным, как у брошенного пса, взглядом Коли, что-то дрогнуло в ней, и она решила, что хуже не будет. Ошиблась. Стало хуже.

– Можете не продолжать, Анна Максимовна. – Игорь Валерьевич понимающе улыбнулся, чуть дрогнув краешками губ. – Я тоже был мальчиком-подростком, и не так уж давно. Полагаю, большинство из нас в этом возрасте весьма неприятные личности.

– Да, пожалуй, что так. – Аня улыбнулась в ответ и тут же одернула себя. Ее за это всегда ругала мама. Улыбаться мужчинам – это провоцировать их, тот же самый флирт. По мнению мамы, именно так она привязала к себе Коленьку, хотя Аня не могла вспомнить, чтобы хоть раз улыбнулась ему.

– Ну и к тому же он сильно вытянулся за лето и стал выше меня, – добавила она. – Это ведь был последний год, потом мы должны были все разбежаться, разъехаться куда-то.

И снова она получила едва заметную понимающую улыбку.

– Не вышло, – не спросил, а утвердительно произнес Игорь Валерьевич.

– Не вышло, – согласилась Аня. – Все, кто... связан с этой историей, жили поблизости и поступать никуда не уехали. А Колю и в армию не забрали. Из-за меня.

Следователь никак не отреагировал, но Аня знала, что он ждет объяснений, и не стала тянуть драматическую паузу.

– На выпускном подруга закатила мне скандал, когда мы пришли вместе с Колей, – пояснила она. – Я согласилась встречаться с ним при условии, что мы не будем это сильно афишировать. А так он ходил за мной постоянно и раньше. Так что Рита приняла за шутку, когда я ей и другим подругам во всем призналась. А на выпускном она поняла, что это правда.

– Она была влюблена в него? – уточнил Игорь Валерьевич. В кармане у него призывно тренькнул телефон, уже раз шестой, наверное, но он даже не опустил взгляд, хотя лицо его чуть дрогнуло.

«Невеста небось, – с легким удовлетворением и в то же время завистью подумала Аня. – Беспokoится».

Ей стало грустно. Ваха позвонил ей, когда она доехала до дома, убедился, что она там, и все. Теперь позвонит только утром, чтобы она не проспала. И все.

– Да, – ответила она на вопрос. – Но мне почему-то никогда не говорила. А к тому моменту я и сама думала, что пора это прекращать.

Она не удержалась и пожаловалась:

– Как оказалось, встречаться с ним еще утомительнее, чем отбиваться от преследования. Я постоянно чувствовала себя каким-то предметом поклонения.

Аня прикрыла глаза, по лицу ее пробежала судорога. Об этом она тоже не хотела говорить. Разве этот, без сомнения, счастливый мужчина сумеет понять, в чем проблема? Коля ведь не бил ее, вообще не причинял боли. Он просто беспрестанно касался ее. И облизывал. Как собака. Нет, следователь не поймет. Она не смогла рассказать об этом счастливой невесте Диане, не сумеет рассказать и этому счастливому жениху. Когда тебя касаются языком не там, где приятно тебе, а везде. Каждого кусочка кожи, отчего тебе мокро, странно и стыдно.

К счастью, Игорь Валерьевич и не пытался расспрашивать об этом.

– Он стал вашим первым мужчиной? – сухо спросил он и тут же извинился: – Простите, Анна Максимовна, но...

– Я понимаю. – Аня кивнула. – Да.

– Итак, что же произошло после скандала с вашей подругой? – уточнил следователь быстро, словно пытаясь отвлечь ее от заданного ранее вопроса.

– Я порвала с ним. – Аня глубоко вздохнула. – Да, прямо на выпускном. Мне все говорили потом, что это и стало последней каплей, что нельзя так резко и внезапно... Но знаете что? У одной девочки из «бэшек» в качестве пары был двоюродный брат, а у меня тогда было на двадцать килограммов меньше и очень красивое короткое платье.

И она развела руками, мол, понимай как хочешь.

6 глава

Игорь смотрел на стоящую перед ним женщину и пытался представить, какой она была на выпускном. Такая же, но совсем тоненькая. Не тусклые глаза с заметными синеватыми кругами, а блестящие от праздника и оттого ярко-голубые. Рыжие кудрявые волосы наверняка были красиво распущены или уложены, короткое платье... Так и подмывало спросить, какого цвета было платье. Наверняка зеленое. Рыжим он так идет. Геля постоянно рассказывала, кому что идет, а что нет, и Игорь против воли запомнил самые эффектные варианты.

В принципе он уже и так понял, чем все закончилось. Большого ума не надо. Красивая девочка, которую психопат считал своей личной вещью, неожиданно снова собирается стать чужой, да еще и смотрит на другого. Тут не надо быть психологом, чтобы догадаться, что произошло. Но Игорь чувствовал, что самой Анне нужно это произнести. Ей нужно выговориться, а может, и потянуть время, прежде чем перейти к самому важному. Кристинка его, конечно, совсем потеряла, времени уже много, рабочий день закончился. Но она поймет. Она умная.

– Он порезал себе вены прямо в актовом зале, – бесцветным голосом подтвердила его мысли Аня. – Забрызгал кровью наряды моих подружек и директрису, перепугал всех.

Совсем тихо, почти шепотом она добавила:

– Меня рядом не было, мы с Витей целовались на улице. Но мне пришлось ехать с ним в больницу, просили обязательно сопровождающего дать.

Лицо ее теперь напоминало неподвижную маску, и Игорь скорее ощутил, чем понял, что дальше расспрашивать не стоит. Да и смысла нет, и так все понятно. Коленку отправили в психиатричку, попутно он получил справку о непригодности к военной службе и ореол страдальца, а бедная девочка была вынуждена ходить к нему в больницу и каяться перед всеми.

– Вы сумели в тот год поступить в вуз? – осторожно спросил он.

Аня криво улыбнулась и потерла тыльной стороной ладони сухие глаза.

– Сумела, ага, – подтвердила она. – Странно, да? Наверное, не должна была, но тут спасибо этому дурацкому ЕГЭ. Экзамены уже давно были сданы. Хотя я хотела, конечно, в Москву. Но там нужно было сдать еще один экзамен, а я бы его не потянула.

Она снова замолчала, и Игорь понял: она жалеет. Жалеет, что не нашла пусть что-то похуже, но подальше. Не уехала хоть куда-то.

Нет, настаивать на продолжении рассказа дальше было никак нельзя.

– Хорошо, остальное расскажете в следующий раз, я обязательно найду к вам еще, – пообещал он. – Давайте перейдем к тому, почему вы позвонили в этот раз. Что-то изменилось, появилось что-то новое?

Он рисковал, не расспросив о том, чем закончилась эта история в прошлый раз, и стоит ли им ждать сейчас Николая или нет. Но решил, что с этим разберется на работе, вытрясет из Дианы всю информацию.

Что-то мелькнуло в глазах Анны и исчезло. Кажется, она подумала, что он торопится уйти. Что же, сейчас и это было не важно, потому что завтра он вернется, и они продолжат разговор.

– Не совсем новое, – словно нехотя ответила Анна. – Просто очередное письмо. Их не было несколько недель, я уж думала, не будет больше, но оно пришло.

Она вышла из кухни, оставив Игоря одного, а вернувшись, протянула конверт – с виду обычный, но какой-то желтоватый, словно из старых запасов. Игорь вскинулся было, что по таким старым конвертам проще найти отправителя, и тут же успокоился. Отправитель им и так известен. Впрочем, на конверте стояли штампы отделений отправления и получения, так что эти мелочи с необычными конвертами не стоили внимания. Совсем другое дело – рисунок.

Игорь бросил короткий взгляд на Аню и снова вернулся к рисунку. Он предпочел бы, чтобы этот взгляд остался незамеченным, но от Ани, казалось, ничего не ускользало.

– Да, это именно я, все мои родинки и другие... особенности, – утомленно вздохнула она. – Разве что худее. Но не слишком. Такие изменения он как-то тоже отслеживает.

– Пробовали изменить что-то неочевидное? – поинтересовался Игорь, нутром чувствуя, что нащупал что-то очень важное. Что-то, от чего может зависеть жизнь этой женщины.

Она почему-то смутилась.

– Не слишком кардинально, – ответила она.

Игорю понадобилось еще несколько секунд, чтобы понять, что речь идет не о родинках. Как же он сейчас злился на Диану, которая подкинула ему такое! И в то же время мысленно благодарил ее. Потому что такой рисунок, да еще не первый, не мог быть сделан ни шизофреником, ни параноиком, чтобы привлечь внимание. Это было нечто настоящее. Он точно это знал.

– Когда, говорите, он прислал прошлый рисунок? – спросил он и добавил: – Вы сохранили их, Анна Максимовна? Хотелось бы увидеть больше.

– Простой приходил... кажется, в октябре. – Анна наморщила лоб. – Да, восемнадцатого октября. Он присылал их не очень часто с тех пор, как его отправили на принудительное лечение.

– Но все-таки присылал? – вот теперь Игорь понял, почему его послали сюда. Психопат уже был обезврежен! Но, видимо, недостаточно хорошо. Игорь никогда особо не интересовался, как содержат людей на принудительном лечении, но был уверен, что отправлять письма с угрозами им не позволяют.

– Присылал, – согласилась она. – Подождите, сейчас!

Она снова вышла, но уже поспешно, будто поверила в него. И Игорь мысленно пообещал себе, что постарается разобраться. В конце концов, такое дело сложным может оказаться только для обывателя. А следователи вполне могут решить вопрос с утечкой в психиатрической больнице. Игорь попытался вспомнить, в каком именно отделении держат тех, кто на принудительном. Если надо, он туда сам ходит и разберется!

Тем временем вернулась Анна и протянула ему целую стопку рисунков. Некоторые были помяты, а потом разглажены, а один даже склеен.

– Диана... То есть Диана Константиновна объяснила, что это все улики и их желательно сохранять, – пояснила Анна, поймав взгляд Игоря. – Но иногда я все-таки не могу удержаться.

Игорь кивнул и осторожно стал перебирать листы.

– Я смотрю, внутренности стали появляться не так давно, – заметил он, откладывая очередную гадкий рисунок и глядя в следующий, на котором не было следов крови, и хоть он и изображал Анну в позе приготовленной к вскрытию лягушки, но обошелся без самого момента препарирования.

– Да. – Анна снова отвернулась к плите и засыпала кофе в турку. Игорь, хоть и не мог больше пить кофе, останавливать ее не стал. И так было понятно, что ей неприятно снова все это рассматривать, да еще и с посторонним мужчиной. – Когда он понял, что не сумеет меня вернуть, и узнал, что у меня появился парень... Он просто взбесился.

– Это тот парень, о котором упоминала ваша соседка... Кира Михайловна, если не ошибаюсь? – уточнил Игорь.

Анна помотала головой, губы ее искривились.

– Нет, тот сбежал, – призналась она. – Я же чокнутая, понимаете, Игорь Валерьевич. Меня преследовал псих, и мне снятся кошмары.

То, с каким сарказмом она произнесла «чокнутая», сказало Игорю больше, чем все остальное.

Но он не стал ее утешать и был вознагражден за это новыми подробностями:

– Кровь на рисунках проверяли, она его, – спокойно добавила Анна. – Но ему нечем было пораниться в больнице, им даже вилки там не дают. А еще мне часто кажется, будто за мной кто-то следит. Даже сейчас.

Игорь чуть поднял бровь и посмотрел на окно. Дом Анны был самым высоким в этом микрорайоне, ближайший такой же был достаточно далеко, чтобы из его окон можно было видеть что-то даже в бинокль. А следить за девятым этажом – дело непростое. Не успел он придумать вариант, откуда за ней можно следить, как осознал, что на улице уже темно. Конечно, зимой темнело быстро, но все же.

– Вы же сюда из-за него переехали, Анна Максимовна? – Он снова глянул на окно. – И все равно?

– Все равно, – согласилась Анна. – Вам уже пора, да? Невеста ждет?

Она смутилась своего вопроса и уставилась в пол.

– Невеста подождет, если что, – Игорь сам не знал, почему начал оправдываться. Это казалось правильным. Она только что призналась, что боится возвращения психопата, а он сразу собрался уходить. – Но у меня собака... Арамис. Он ждет вечерней прогулки.

И выпалив эту чепуху, он понял, что не ошибся. Лицо Анны посветлело.

– Тогда вам скорее надо бежать, – улыбнулась она и добавила застенчиво: – А я животных люблю на расстоянии. За ними ухаживать надо, вот так, как вы. Но мне больше нравятся кошки, а не собаки.

Игорь вспомнил, как она говорила про психопата «с глазами побитой собаки», и понимающе кивнул.

– Когда вам будет удобно снова встретиться со мной? – спросил он, поднимаясь. Он вышел в прихожую, хозяйка пошла следом, наблюдая, как он одевается. – В ближайшее время я имею в виду.

– А на работу ко мне можете в обеденный перерыв подъехать? – неожиданно спросила Анна и пояснила: – Понимаете, я в банке работаю. Там следователем в форме никого не удивишь. В отличие от соседей. Кира Михайловна и вас достанет, и меня, а потом еще Вахе расскажет в лицах и от себя добавит, чего и не было. Он у меня не дурак ревнивый, не подумайте, но все-таки...

Игорь вспомнил, что Кира Михайловна говорила про этого Ваху, и неуверенно кивнул. Он записал в телефоне адрес банка и время обеденного перерыва у Анны и вышел.

В полутемном коридоре – на лампочках тут жестко сэкономили – было хорошо видно, как моргнул свет в глазке соседней двери. Игорь с трудом удержался от хулиганского желания помахать любопытной соседке и просто нажал кнопку вызова лифта.

И только в лифте достал наконец телефон и открыл сообщения от Крысы. Пересмотрел их все, пока ехал вниз, потом вышел из подъезда и прямо тут, под светом фонаря, написал ответ: «Скоро буду дома. Все хорошо. Люблю».

Он поднял голову. Среди множества освещенных окон светилось и далекое окно на девятом этаже.

Игорь попытался представить себя на месте Анны, как она выходит поздним вечером на улицу. Следит ли кто-то за ней, чувствуется ли чей-то взгляд?

Игорь поежился, но лишь от холода. Улица была пуста.

И он поспешно зашагал к автобусной остановке. Ему повезло, автобус подошел быстро. По дороге Игорь думал, стоило ли сфотографировать рисунки Николая или нет, и не заметил, как доехал. Поднялся к себе и услышал, как призывно скребет когтями по двери Арамис.

Дверь распахнулась раньше, чем он успел поднести к ней ключ.

– Привет, – и Кристина повисла у него на шее, а Арамис принялся скакать вокруг, вместо того чтобы тащить его на улицу. Объяснение этому нашлось тут же. – Сначала я подумала, что

ты можешь не успеть выгулять Арамку, вот и пришла. А потом решила, почему бы не отметить твой первый рабочий день?

Игорь прошел в комнату. Пахло чем-то очень вкусным. На столе стоял торт в пластиковой коробке с наклейкой хорошей кондитерской из центра.

– Решила, значит? – Игорь усмехнулся и чмокнул Кристину в ухо. – Совершенно случайная импровизация, да? Кому ты пытаешься соврать, женщина? Следователю?

Кристина захихикала.

– Ладно, ладно, это была хорошо подготовленная импровизация! – Отбиваясь от поцелуев, она выскользнула из его объятий и достала тарелки. – Мой руки и садись!

– Ты останешься на ночь? – крикнул из ванной Игорь.

– Останусь, но с тебя форменная куртка! – крикнула в ответ Кристина.

Игорь с улыбкой покачал головой. Привычка Кристины утаскивать его одежду после каждой ночевки, чтобы потом возвращать, по-своему умиляла.

Он еще продолжал смотреть в зеркало, когда улыбка медленно стекла с его лица. Вспомнил про Анну. Что же, так и будет? Он будет приносить все это домой, и ему будут сниться такие рисунки, какие психопаты присылают жертвам?

– Игорь, что с тобой? – Кристина заглянула в ванную. – Все хорошо?

– Все замечательно, – твердо ответил Игорь. – Пойдем отмечать!

7 глава

Аня проводила взглядом следователя, пока он не скрылся за соседним домом, и собиралась помыть чашки, а потом наконец сесть перед телевизором и упасть в какой-нибудь сериал. Только без маньяков и психопатов. Что-то смешное и глупое. И серий побольше. Но ее уютные мысли были бесцеремонно прерваны телефонным звонком. Аня вздрогнула и с опаской посмотрела на телефон.

Она давно перестала брать трубку, если номер был незнакомый, но на экране высветилась фотография Вахи, и она со скрываемым даже от себя вздохом облегчения нажала «принять вызов».

– Счастье мое, ты занята? – услышала она его голос и невольно улыбнулась.

– Уже нет, а что, ты хочешь приехать? – кокетливо спросила она, ставя немытые чашки в раковину.

– Почти, – Ваха сделал совсем короткую паузу. – Как смотришь на то, чтобы сходить в ресторан?

– М-м... – Аня выглянула в окно. Она уже давно не выходила так поздно вечером на улицу, по темноте. И в ресторан они тоже давно не ходили, заказывали на дом. В карантине были свои плюсы, и Аня не собиралась так легко отказываться от них после окончания пандемии. – А с чего вдруг? Может, просто приедешь и закажешь на дом?

– Эй! – возмутился Ваха, и Аня словно увидела, как он машет руками и надувает щеки. – Это что же, ты хочешь сказать, что я не могу сводить свою любимую в ресторан? Может, я давно не дарил тебе красивых платьев, которые стоит выгулять в ресторан или театр?

– Дарил, дарил. – Аня снова улыбнулась. Иногда Вахан был таким забавным. И она уже заметила, что ему нравится хвастаться ею. Хотя его родители не принимали их отношений. По крайней мере, не считали их серьезными.

О, вот оно что! Аня вспомнила, что во время последней встречи они снова поднимали эту тему по поводу родителей и гипотетического брака, и, похоже, Ваха чувствовал себя виноватым, вот и решил сводить ее в ресторан. А вовсе не потому, что они давно никуда не ходили. Настроение мгновенно испортилось.

– Ты сама мне говорила, мол, Вахан, как не стыдно, я уже неделю не была в ресторане! Или даже так: «Вахан, ты культурный человек, когда поведешь меня в театр на „Лебединое озеро“!» – продолжал в шутку возмущаться в трубке голос любовника, и Аня вздрогнула.

– Только не Оперный театр, – голос чуть сорвался, и она рассердилась на себя. – Если так хочешь сводить меня в театр, веди в Драматический или в «У Моста».

– А чтоб красиво вокруг и «Лебединое озеро»? – Ваха, судя по голосу, немного растерялся. – Там красиво, мы пойдем не тогда, когда там поют, а когда танцуют!

– Нет, – резко ответила Аня и перевела тему: – Давай просто сходим в ресторан. Когда тебя ждать?

– Через час, – голос Вахи все еще звучал удрученно, и Аня заподозрила, что он собирался в Оперный, потому что туда шли какие-то его родственники. А ресторан припелл просто для того, чтобы начать разговор. Откуда эта нездоровая страсть к «Лебединому озеру» у его семьи, Аня так и не поняла, но как другие ходили каждое Рождество на «Щелкунчика», так Арикяны ходили на «Лебединое озеро». – Я приеду на такси, выйди, пожалуйста.

– Ты боишься Киры Михайловны? – усмехнулась Аня, скрывая внутри дрожь от мысли, что ей придется покинуть квартиру в одиночку. Может, еще можно отказаться?

Она снова выглянула в окно. Никого во дворе не было, фонарь освещал все пространство, только у дальних домов сгущалась тьма. А туда ей идти не придется.

– Я ее не боюсь, она просто портит мне настроение! – горячо возмутился Ваха. – А сегодня мне нужно прекрасное настроение, все для тебя, Анна!

Аня сама не знала зачем, но ей захотелось немного поддразнить любовника. Хоть так выплеснуть скопившееся за день раздражение.

– Ну и зря, – заметила она словно между делом. – Она была бы рада поделиться с тобой тем, что у меня сегодня в гостях был мужчина.

Сказала и тотчас пожалела об этом. Ваха все понимал и был не таким уж ревнивым, но все равно он был собственником. Вот и сейчас его голос мгновенно изменился.

– Какой еще мужчина? – спросил он негромко. – Анна, я еду к тебе немедленно!

– Не надо, я еще не одета. – Аня вытащила пару платьев и выбирала между ними, прижав трубку к уху плечом. – Это мой коллега. Женатый.

Аня сама не знала, зачем решила соврать. Она собиралась рассказать о следователе и о новом рисунке, но в последний момент передумала. Она и без того не нравится семье Вахи, а если он проговорится, что она... такая, то на их отношениях можно будет поставить крест. А Ане казалось, что у нее уже не будет сил снова начинать с самого начала с кем-то третьим.

– Женатые – самые опасные, Анна, будь осторожна, – с легкой иронией предупредил Ваха, но голос его был уже спокойным. – Я позвоню, когда буду подъезжать.

Аня вздохнула. Времени подготовиться почти не было. Вахе легко говорить, а она даже голову помыть не успеет за эти пару минут, разве что уложить волосы аккуратнее да получше замазать синяки под глазами.

Сложнее всего оказалось с платьем. Аня не так давно смирилась с тем, что нужно купить утягивающее белье. Да, некрасиво, но зато стройнит, и в платье она не выглядит как сарделька. А еще это позволит ей красиво уехать домой в одиночестве, а не уговаривать Ваху поехать к ней. И уж точно к нему она в таком белье не поедет.

Аня вся взмокла, пытаясь втиснуться в утягивающие шорты, и раздраженно сдула волосы с лица. Кажется, в прошлый раз это было попроще. Но не могла же она так поправиться! Блузка и юбка, в которых она ходила на работу, были как раз по размеру, а вот платье едва застегнулось. Похоже, Рита все-таки права, стерва. А Вахе придется скоро подарить ей платье посвободнее.

Аня вымученно улыбнулась своему отражению. Нет, она не позволит, чтобы эти мысли испортили ей вечер.

– Зато эти рисунки скоро будут совсем не про меня, – произнесла она громко. И оглянулась, словно кто-то мог ее подслушать.

Когда телефон снова зазвонил, ей оставалось только застегнуть пальто. Но сначала она прошла в туфлях на кухню и выглянула на улицу. И только убедившись, что такси стоит у подъезда, а вокруг никого нет, она поспешила выйти.

Из подъезда она сначала аккуратно выглянула, а потом быстро прошла к машине и села, не дожидаясь, когда таксист выйдет и откроет ей дверь.

– Ты выглядываешь Киру Михайловну, Анна? – с легкой улыбкой спросил ее Ваха после поцелуя. Такси уже тронулось, но Аня по привычке обвела взглядом двор.

– Да, не хотелось бы, чтобы она меня потом дожидалась, – фальшиво рассмеялась Аня. – Невыносимая женщина.

«Невыносимый мужчина, – с досадой думала она в этот момент. – Внимательный не там, где надо».

После разговора со следователем, словно после разговора с психологом, ей хотелось почувствовать себя другим человеком и не позволять Николаю больше портить ей жизнь.

Но ей в который раз пришлось убедиться, что это не так просто сделать. В ресторане Ваха забронировал место у окна, словно Ане могло быть приятно смотреть на вечернюю жизнь Ком-

проса¹. Она поморщилась. Проспект днем был довольно многолюдным, и вечером тоже лучше не становилось, несмотря на отвратительную погоду. А они еще и сидели за этими окнами в пол, как в террариуме, на виду у всех прохожих.

– Я помню, что тебе нравилась кухня в этом ресторане, – Ваха отдал оба меню и попросил принести вино. Он уже расслабился, на лице играла приятная улыбка, но глаза смотрели цепко и внимательно. – Что-то не так?

– Все прекрасно, просто... просто жмут туфли... – Аня едва не покачала изумленно головой. Она, похоже, перевыполнила норму вранья на месяц вперед.

– А! – Ваха моргнул и окончательно расплылся в улыбке, блестя глазами. – Давай я куплю тебе красивые босоножки?

– Нет! – Аня смутилась, сообразив, что крикнула слишком громко, и уставилась в окно. – Я не ношу босоножки, Ваха.

Ваха что-то еще говорил, но потом подошел официант, он отвлекся и не заметил, что Аня не отвечает. А она смотрела в окно, не в силах отвести взгляда. По центру проспекта между двумя дорогами пролегла прогулочная аллея, отделенная от шоссе невысокой оградой и высаженными вдоль тротуара деревьями. Большинство предпочитало гулять вдоль домов по обе стороны проспекта, тогда как эту аллею облюбовали мамочки с колясками, а в теплое время года еще и парочки. Но сейчас Ане не было никакого дела до тех, кто там ходил, она всматривалась в темнеющий силуэт прямо напротив ресторанных окон. Лица под капюшоном не было видно, но эта темно-синяя куртка была ей знакома, да и то, как стоял человек, как держал руки в карманах...

– Анна, закуски уже принесли, – голос Вахи вырвал ее из этого ступора. – Ты так смотришь на улицу... Хочешь прогуляться или увидела знакомых?

– Я очень проголодалась. – Врать снова не хотелось, и Аня поспешно вонзила вилку в салат «Цезарь», не понимая, как так вышло, что он совсем не имеет вкуса.

Кажется, Ваха как-то завуалированно пытался извиниться и что-то рассказать, но Аня слушала его вполуха, изо всех сил стараясь почувствовать вкус еды. Впрочем, тут ей наконец повезло, когда она сама не ожидала этого. Не иначе как решив из-за ее отсутствия аппетита, что она обиделась сильнее, чем показывает, Ваха воодушевился и ринулся завоевывать ее внимание. Очнувшись на яблочном пироге с мороженым, Аня с удивлением обнаружила, что Ваха уже распланировал их летнюю поездку на море, а она, похоже, даже согласилась.

Плохо было лишь то, что из-за ее мнимой обиды Ваха не предложил остаться у нее. Может, дело было не в этом и даже не в любопытной соседке, но эти мысли Аня гнала прочь.

Ей и без того на сегодня хватило. К счастью, Ваха проводил ее до лифта, по-видимому, посчитав это более романтичным, чем отправить ее домой на другом такси. Или нет. Кто знает, что в головах у этих мужчин? Она уже однажды ошиблась.

Закрыв дверь не только на ключ, но и на цепочку, Аня скинула пальто, туфли, прошла в комнату и устало повалилась на кровать. Ужасно хотелось снять это утягивающее белье, платье и завалиться поскорее спать, но сил не было. Она могла только упасть навзничь и, дотянувшись, щелкнуть выключателем настольной лампы. От темноты было не по себе.

В свете лампы тени от фигурок на полке поползли выше, вытягивая свои длинные ноги еще сильнее. Аня отвернулась. Теперь она сообразила, что могла неправильно понять, почему Ваха предлагал пойти на балет. Он и впрямь мог думать не о себе, а о ней. Он видел эти фигурки, когда бывал у нее дома, и вообразил, будто она любит балерин и балет.

А она просто старалась не смотреть на эту полку, и ей удавалось.

¹ Комсомольский проспект, центральная улица города Перми.

«Нужно просто собрать все и выкинуть наконец», – в который раз решила Аня и в который раз малодушно передумала. Словно эти уродливые фарфоровые и пластиковые штучки стали ее оберегами. Странная и глупая мысль.

Она поднялась и наконец стала стягивать плотно прилипшие к телу утягивающие шорты. На полку она больше не смотрела, но перестать думать о ней не могла. Странно ведь, почему она не избавилась от фигурок еще десять лет назад, а то и раньше? Неужели и впрямь надеялась, что если она будет кротко принимать эти подарки, то это защитит ее от дарителя?

8 глава

– Давай, рассказывай, я вижу, что тебе уже не терпится! – Кристина уютно устроилась под боком у Игоря, и он счастливо вздохнул. Неужели когда-нибудь он привыкнет ко всему этому и не будет чувствовать такого трепета от ее прикосновений, от того, как она мирно дышит во сне или вот так ворочается, укладываясь поудобнее?

– Вообще-то мне нельзя обсуждать работу дома, – неуверенно произнес Игорь, но они оба понимали, что он сдастся быстрее, чем она попросит во второй раз.

Да, он не собирался ничего обсуждать даже с братом, хотя тот тоже работал в органах. Но Кристина – это было другое.

Так и вышло.

– Вообще-то серьезного мне пока ничего не дали, – сразу признался Игорь. – Даже на подхвате работать не берут. Сунули бегунок по обходу жалоб рецидивистов, вот я и ходил весь день.

– Рецидивистов? – Кристина привстала на локте. – Преступников?

– Нет, не в этом смысле. – Игорь рассмеялся. – Прости, я тебя запутал. Есть пострадавшие, с которыми уже работали мои новые коллеги, но они снова обращаются уже не к участковому или просто в полицию, а напрямую к нам. По правилам мы можем передать их дела полиции, но в основном там пустышки, и вот я их обхожу и провожу беседы. Параноики и шизофреники в основном, да. В основном.

– Кто-то не попал в этот список, да? – проницательно поинтересовалась Кристина.

– Да. – Игорь вспомнил лицо Анны, ее взгляд и подтянул Кристину поближе к себе. Не было никакой причины опасаться за нее, но, наверное, он и впрямь слишком восприимчив к таким историям. – Одна молодая женщина боится бывшего, который ее преследует и, как мне кажется, не зря боится. Он ей шлет совершенно кошмарные рисунки.

– Тогда ты должен что-то сделать? – Кристина уткнулась подбородком ему в плечо и смотрела на него во все глаза, разделяя его эмоции.

– Да понимаешь, она говорит, что этот человек находится на принудительном лечении в психиатрической больнице. – Игорь вздохнул. – И я сомневаюсь, что нам не сообщили бы, если бы кто-то сбежал. И уж точно тогда мне не дали бы такое дело в первый же день.

– Тебе достаточно позвонить туда или съездить и все проверить. – Игорь скорее почувствовал, чем увидел, как она пожала плечами. – Причем лучше съездить. В лицо людям тяжелее врать, если они что-то упустили.

– Да, это идея. – Игорь и сам думал об этом, а Кристина только укрепила его в этой мысли. – Пожалуй, так и сделаю.

– Только сначала обязательно позвони заведующему отделением и договорись. – Кристина зевнула. – А то еще не пустит. Тебе же нужно не обычное отделение.

– Позвоню, – кивнул Игорь. – Спать?

– Нет, пока нет. – Кристина встрепенулась. – Я совсем забыла сказать, днем мне звонила Елена Михайловна.

Игорю сразу перехотелось спать.

– Почему она звонит тебе? – возмутился он.

– Потому что хочет сделать тебе сюрприз, – невозмутимо ответила Кристина. – А я знаю, что ты не фанат сюрпризов. Завтра намечается праздничный ужин в честь начала твоей новой работы, я должна завлечь тебя к ним. Так что не задерживайся в психушке и у всяких параноидальных женщин.

– А можно я, наоборот, плотно застряну у параноидальных женщин и в психушке? – с надеждой поинтересовался Игорь.

– Игорь, я уже выбила тебе сутки, – возмутилась Кристина. – Они вообще думали прямо сегодня отмечать. И потом, она все-таки твоя ма... она твоя семья.

– Дело не в... не в маме и не в брате, – Игорь почувствовал, как снова загнулся, называя ее, и рассердился сам на себя. Когда это началось? Он не помнил. В школе он точно звал ее мамой. Она с отцом встречалась уже некоторое время, и появления брата-ровесника Игорь ждал как чуда. Это же почти брат-близнец, а кто не хотел в детстве иметь такого? Свою родную мать он не помнил. Елена Михайловна для него с первых дней стала «мамой Леной» и даже «мамой Леночкой», такое уж она производила впечатление. Невысокая и хрупкая, со своими светлыми кудряшками похожая на девочку или одуванчик, она мало изменилась за годы жизни в браке, но после смерти мужа словно разом постарела, по лицу пролегли глубокие морщины, а светлые волосы серебрились сединой. Геля утверждала, что это случилось не вдруг, просто после смерти мужа она перестала за собой так же тщательно следить. Но Игорь стал стесняться называть ее мамой намного раньше, да и давно чувствовал себя рядом с ней совсем не как в детстве. Впрочем, это не мешало ему, в одиночку или вдвоем с Кристиной, часто навещать овдовевшую мачеху. А вот семейные ужины он терпеть не мог, причем именно из-за Гели. В лицо ни Кристина, ни он не рискнули бы назвать жену Вадика так. Только Ангелина или Ангела, и ни буквой меньше!

– Тебе предстоит лицом к лицу встречаться с убийцами и насильниками, уж пару часов за одним столом с Гелей ты точно перенесешь, – Кристина, конечно, поняла его сразу. – И потом, разговаривать с ней опять буду я.

– Ты моя спасительница. – Игорь чмокнул невесту в нос. – Тогда завтра никаких психушек. Лучше пройду по остальным адресам, чтобы не пропустить чего-то важного.

– Вот это правильно, – поддержала его Кристина и завернулась в одеяло, почти мгновенно заснув. Игорь привычно позавидовал этому умению. Сам он еще некоторое время думал о прошедшем дне и пытался сообразить, не ошибся ли он с кем-то из тех, к кому заходил.

Утром Игорь обнаружил две вещи. Во-первых, опаздывающая Кристина, которой нужно было еще зайти домой перед работой, все-таки исполнила свою угрозу и ушла в его серой куртке, так похожей на милицейскую. Во-вторых, Вероника ответила на его сообщение о проделанной работе тем, что он может пройти по оставшимся адресам, не заходя к ним в отдел.

С одной стороны, это означало, что он может спокойно позавтракать и не торопиться. С другой, было немного обидно. Он хотел получше познакомиться с коллегами. Опять же, так было проще не проговориться Диане, что ее дело не такая уж пустышка, как она думала, сдавая его в общий список рецидивистов. Он прекрасно понимал, что в нормальной ситуации уже получил бы все материалы и не делал двойную работу, но если тут так учат, то не ему наводить свои порядки.

Взвесив все за и против, Игорь подумал, что огорчиться он всегда успеет, а сегодня ему нужно постараться не пропустить ничего важного. И начать он решил с обхода ближайших «жалобщиков».

Не прошло и двух часов, как его порыв иссяк. Рецидивисты не отличались большим разнообразием, только невероятной занудностью в описании своих якобы проблем. Игорь даже начал переживать, что, возможно, ему показалось, будто у Анны есть реальный преследователь. Ведь, кроме ее случая, все вчерашние были похожи на сегодняшние. Требующие внимания пустышки и только. Перед семейным ужином не хотелось начинать ничего важного, и он решил оставить последних троих рецидивистов на завтра, а вместо них договориться о встрече с заведующим отделением для принудительного лечения.

Он быстро нашел в Интернете нужное отделение психиатрической больницы и скопировал номер телефона. Сел в ближайшей кафешке, заказал чашку чая и, лишь получив ее, наконец набрал номер.

– Владислав Тимофеевич? – спросил он, услышав в трубке чуть хрипловатое «Слушаю». – Следователь следственного комитета Индустриального района, Ремесов Игорь Валерьевич. Мне хотелось бы поговорить с кем-то, кто ведет Николая Олеговича Рассохина. Я мог бы подойти к вам сегодня или, например, завтра.

– Разумеется, Игорь Валерьевич, – ответил заведующий после короткой паузы. Наверное, был ошарашен таким напором. Игорь усмехнулся. Сейчас главное получить согласие и не подписаться ни на какие ограничения. Вроде узкого круга вопросов, которые можно обсуждать. – Алина Сергеевна Халиман, наш штатный психолог, примет вас в любое время с девяти до пяти, но...

Вот это «но» Игорь и не собирался слушать. Он планировал по телефону отделаться словами о важном деле, которое мешает ему объяснить причину его желания поговорить с врачом, но в этот момент телефон призывно тренькнул – пришло сообщение.

«Умница Крыся, знает, когда написать», – ласково подумал Игорь и быстро произнес:

– Простите, Владислав Тимофеевич, важное сообщение, не могу не ответить. Обязательно зайду завтра и к вам тоже. До свидания!

Не дожидаясь ответа, он нажал на отбой и открыл сообщения. Лицо его вытянулось. Сообщение пришло с незнакомого номера, а не от Кристины.

И только прочитав его, он вспомнил, что вчера дал свой номер телефона Анне.

«Снова рисунок. На работе. Мне страшно», – прочитал он.

«Еду», – ответил Игорь, чувствуя себя примерно так же, как в подъезде дома Ксении Романовой, когда дожидался несуществующего маньяка.

Только маньяк все-таки существовал и, похоже, находился на свободе!

До банка Игорь доехал на такси, не в силах ждать автобуса. Сначала подошел к управляющей отделением и неожиданно легко получил разрешение поговорить с сотрудницей. Даже ни одного косога взгляда или попытки узнать, зачем ему это надо! Игорь приободрился от хорошего начала. И надеялся, что и дальше будет не хуже.

Анну он увидел не сразу, а когда увидел, то не узнал. В форменной одежде, с убранными в гладкий пучок и теперь не вьющимися вокруг лица волосами, она выглядела иначе. Старше и куда более измученной, чем Игорь ее запомнил.

Заметив его, она оживилась. Глаза ее засияли, и губы чуть дернулись в улыбке, которую она тотчас спрятала, возвращаясь к работе.

Игорь терпеливо дождался, когда она отпустит клиента и выключит электронное табло над своим местом, а потом прошел за ней в незаметную дверь сбоку. Внутри было что-то вроде раздевалки, совмещенной с крошечной комнатой отдыха. По крайней мере, тут было несколько стульев и стол, на котором стояла вазочка с печеньем и лежала половинка бутерброда.

Анна осторожно отодвинула бутерброд подальше и села рядом со столом, Игорь же переставил стул так, чтобы сидеть напротив.

– Рассказывайте, – попросил он, хотя больше всего ему хотелось увидеть письмо. Он еще в такси подготовил перчатки, потому что – как знать, вдруг на нем сохранились отпечатки? Это кто-то сам пришел и бросил конверт совсем недавно.

– Вчера мой мужчина водил меня в ресторан, – Анна определенно смутилась (понять бы еще почему), но тут же продолжила: – И мне показалось, что я видела Николая.

– Показалось? – уцепился за слово Игорь.

Скулы бледной Анны чуть порозовели.

– Показалось, – твердо повторила она. – Я не уверена, но его никак не могло там быть, понимаете?

Не то чтобы Игорь так хорошо понимал, но на всякий случай кивнул. Кажется, это была правильная реакция, потому что Анна приободрилась и продолжила говорить уже охотнее:

– Потом мне показалось, что он снова, как раньше, стоит у моего дома. Разглядеть с девятого этажа сложно, но кто еще ночью может стоять под окнами?

Ответ ей не требовался, и Игорь промолчал.

– А потом сегодня, – продолжила она. – Я не смотрю обычно в зал. О приходе моих... гм... подружек меня девочки предупреждают, а в остальное время работа такая – подходит кто-то к «аквариуму», тогда я и поднимаю голову. А тут меня что-то дернуло...

Она обняла себя руками, словно замерзла, а Игорь смотрел на врезавшиеся в пальцы кольца и понимал, что Анна недавно поправилась и еще не приняла это. Наверное, она даже чувствует себя еще той Анной, которую рисует Николай, и это только все усугубляет. Он задумался, ходит ли она к психологу, но Анна вернула его в реальность.

– Я увидела его спину, – шепотом произнесла она. – Это его куртка. Джинсы. Ботинки. Он не мог тут быть, но он был! И когда подошла следующая клиентка, она сказала, что кто-то забыл тут конверт. Смотрела на меня так подозрительно, когда я его забрала, как будто думала, что кто-то забыл пачку денег.

Анна позволила себе короткую усмешку и снова заледенела.

– И где же конверт? – не выдержал Игорь.

Анна нырнула в стол и достала файл, в котором лежал конверт. Как мог видеть Игорь, не вскрытый.

– Вы не открывали? – уточнил он.

Анна качнула головой.

– И взяла его файлом, чтобы не оставлять лишних следов, – пояснила она, и снова ее губы чуть дрогнули в улыбке. – Насмотрелась уже, как вы работаете.

Игорь хотел было сказать, что, беря файлом, она могла больше стереть, чем сохранить отпечатки, но не стал. Только спросил:

– А почему вы уверены, что там рисунок?

– Знаю, – ответила Анна и отвернулась. – Я теперь это всегда знаю.

9 глава

Кажется, следователь не совсем поверил. Сложно было понять, что он думает, лицо непроницаемое. Наверное, уже решил, что она психическая. Диана однозначно так думала и наверняка уже объяснила новичку, как обстоят дела. Но приехал быстро, а чего еще желать в ее ситуации?

Ане снова захотелось обнять себя за плечи, но усилием воли она остановилась. Ей было страшно. Очень страшно. Она привыкла бояться рядом со своим домом и в тех местах, где они бывали с Николаем, на работе раньше ей было спокойно. Дурочка. Разве можно было на что-то надеяться, если даже переезд не помог? Сколько прошло времени, прежде чем Николай нашел ее новую квартиру? Всего ничего.

Она смотрела, как следователь кусает губы, пытаясь решить, открывать ли письмо самому или доверить специалистам. Все его сомнения были написаны на лице. Аня не собиралась ему помогать. Она слукавила. Открывать ей не хотелось не потому, что она рассчитывала, будто на письме сохранились отпечатки. Что с них толку? Нет, когда она чуть сжала плотный конверт, положив его в файл, она увидела, как бумага в этом месте набухает и как образуется под ее пальцем красный отпечаток. А открывать такое она точно не собиралась.

Игорь Валерьевич тем временем решил. Пробормотал еле слышно: «А в этот раз почтового штемпеля нет», – и осторожно вытряхнул конверт на другой файл.

– Подайте, пожалуйста, нож для разрезания бумаги, – не отрывая взгляда от конверта, попросил он.

Аня молча протянула его, держа за лезвие и чувствуя необычный страх даже перед таким ножом.

– Иногда такие вещи портятся при перевозке, – объяснил он, хотя, скорее всего, убеждал себя. А Аня просто не хотела думать, что он имеет в виду под «такими вещами». Конверт? Рисунок? Что-то еще?.. – Вскрываю при вас, Анна Максимовна.

– Хорошо, – ответила Аня и отвернулась. Смотреть ей на самом деле не хотелось. Но и следователя она прекрасно понимала. Вряд ли ее делом будут всерьез заниматься, раз прислали такого... стажера. А значит, и конверт сунут куда-нибудь до лучших времен. Пусть вскрывает. По крайней мере, пока она сидит здесь с ним, страх отступает.

Аня машинально пододвинула к себе поближе вазочку с печеньем. Теперь сцена еще больше напоминала тот день, когда она сидела на кухне с подружкой Иринкой и пила чай, пока та вздыхала и закатывала глаза, переживая больше, чем она сама.

Хотелось не возвращаться в свою квартиру, а снова трусливо сбежать. Но работа, свежее белье, привычная чашка... Нет, десять лет назад все было проще. И тогда она могла сбежать к Иринке и жить у нее две недели, пока Иринкин брат собирал ее вещи, договаривался с квартирной хозяйкой и искал ей новое жилье. А сейчас? Она может разве что переехать к Вахе, но это окончательно поставило бы крест на их возможном совместном будущем. Братья Вахи были болтливы, как старые сплетницы, и передали бы все матери, а та бы точно такую невестку не одобрила до самой смерти.

А Иринка вышла замуж и родила детей. Они до сих пор перезванивались по праздникам, но от былой дружбы ничего не осталось. Аня не хотела даже рассказывать ей про свои проблемы, не то что навязываться пожить. Да и Сергей, Иркин брат, несколько лет назад уехал в Москву и не мог бы помочь с переездом. Нет, теперь со своими страхами ей предстояло справляться самой. Или с помощью вот... следователя.

Она механически жевала безвкусное печенье, невидящим взглядом смотря на следователя, воюющего с конвертом, и вспоминала тот день, когда она очутилась у Ирины.

Она тогда впервые переехала от родителей и снимала небольшую комнату в хрущевке на первом этаже. Квартирная хозяйка к ней не лезла, в комнате было все, что нужно, ей можно было пользоваться холодильником и стиральной машиной. Аня чувствовала себя совсем взрослой и свободной, пока снова не появился Николай. Она не знала, куда он исчез почти на полгода. Хотелось бы верить, что просто не знал, где она живет, но даже надеяться на это было глупо. Мама рассказала ему сразу, как только он спросил.

Тем не менее у нее были эти полгода, и она почти привыкла не бояться. Но однажды Николай просто встретил ее у подъезда. Тогда Аня проскользнула мимо и поскорее заперлась в комнате, сквозь щель в плотных занавесках наблюдая за ним, стоящим прямо под окнами. Чтобы он не видел ее силуэта, она не включала свет и вскоре вообще перестала пользоваться верхним светом, откатываясь в своей мании на несколько лет назад. Сложнее всего было выйти из подъезда, но, к счастью, Николай не стоял у дома круглосуточно. Аня тогда часто ночевала у подруг, даже у Риты и Вики, и ей достаточно часто удавалось избегать Николая.

Но все хорошее заканчивается, и в конце концов удача отвернулась от нее. Сначала Николай осмелел настолько, что постучал в дверь. Аня от растерянности забыла, что живет не одна, и следующие полчаса провела в закрытой комнате, не отвечая на ласковые слова стоящего прямо за дверью Николая.

«Анечка, милая, я так соскучился, – журчал Николай и, судя по шороху, гладил дверь. Аню передернуло. – Давай посидим на кухне, попьем чаю. Инга Мстиславовна чай свежий заварила...»

Аня лишь скрипела зубами, посылая мысленно все кары на голову не только Николая, но и Инги Мстиславовны, которая впустила его в квартиру.

А потом Николай ушел. Аня сидела в комнате до тех пор, пока не увидела знакомую макушку под окном.

Тогда она открыла наконец дверь и едва не наступила на подарок Николая. Может, лучше было бы, если бы она его раздавила, но Ане редко дарили подарки просто так, а фигурка была такая красивая... И Аня поставила ее на полку и только после этого вышла снова в коридор и заперла дверь на все засовы.

«Твой мальчик конфет вкусных принес, будешь чай?» – выглянула из кухни квартирная хозяйка.

Аня с трудом удержала гневный вопль.

«Ешьте сами, Инга Мстиславовна, – процедила она, чуть прикрывая свою ярость улыбкой. – И это не мой мальчик. Пожалуйста, не выпускайте его больше».

Она все-таки прошла на кухню и мельком глянула на коробку конфет, чтобы убедиться в том, что знала и так. Эти конфеты она не ела, ей не нравилась цитрусовая начинка. Но разве это интересовало ее преследователя?

А где-то через три дня, когда она жарила котлеты, Инга Мстиславовна то ли по глупости, то ли из каких-то других соображений забыла о просьбе Анны.

Аня снова вздрогнула всем телом, вспомнив, как услышала этот щелчок замка и негромкое хихиканье хозяйки. Инга Мстиславовна никогда не хихикала так со своими гостями, и взгляд Ани метнулся к двери. Скрыться в комнате она бы не успела.

«Не подходи», – заявила она, когда на пороге появился Николай с его обычной улыбкой, уверенной и гадкой. Она махнула лопаткой для готовки и отступила к окну.

«Анечка, да что с тобой, я же не сделаю тебе ничего плохого, – изумленно расширил глаза Николай. – Ты же меня знаешь!»

Аня знала. Он и впрямь казался совершенно безобидным, но почему-то от этих обещаний становилось только страшнее.

Она влезла на подоконник и распахнула окно, мгновенно продрогнув до костей.

«Не подходи», – снова предупредила она и неловко повернулась, уронив один из хозяйкиных горшков с фиалками. Но ей было все равно.

«А то что? – Николай усмехнулся и выставил руки с поднятыми ладонями, медленно придвигаясь ближе. – Прыгнешь? Ань, не глупи. Это же первый этаж».

«Молодой человек, вы же не сняли ботинки, наденьте тапочки!» – крикнула из коридора квартирная хозяйка, и, когда Николай отвернулся, Аня решилась. Можно было попробовать пробежать мимо него в комнату, но Аня не надеялась на свою ловкость. Поэтому она прямо с лопаткой в руке выпрыгнула из окна и бросилась прочь. В домашнем платье и тапочках, с лопаткой в руке – так она бежала по улице, ни разу не обернувшись. Она знала, что Николай смотрит ей вслед, и это придавало ей силы.

Такой она и постучалась к Ирине.

«Мне кажется, или пора вызывать полицию?» – поинтересовалась Ирина, оглядев ее с головы до ног. Аня и сама понимала, как по-дурацки выглядит. Мокрые и грязные тапочки на босу ногу, платье, больше похожее на халат. Ладно хоть лопатку она все-таки сунула по пути в урну, хотя жалко было до невозможности. Хорошая лопатка.

Аня покачала головой.

«Я сама виновата, – призналась она. – Он мне ничего не сделал. И ты же его знаешь, он безобидный».

Ирина поджала губы, не соглашаясь с Аней, но спорить не стала, как и вызывать полицию. И брату запретила. Вместо этого она пустила Аню пожить на две недели, дала свою одежду и туфли, пока Сергей ездил забирать ее вещи и разрывать договор с хозяйкой. Только сковородка осталась в той квартире: на ней были котлеты, и Инга Мстиславовна просто убрала ее в холодильник. Но Ане было все равно. Она просто не хотела больше оказываться в такой ситуации.

Ноги после того прыжка еще долго побаливали, но прошло и это.

Аня прекрасно помнила свой ужас. И до сих пор никак не могла понять, почему, несмотря на все уверения Николая, она так его испугалась, что вышла в окно.

– Ух ты ж... – следователь выругался, и Аня моргнула, прогоняя воспоминания. Как она и предполагала, рисунок в конверте был. Только его вряд ли можно было вытащить, настолько он был пропитан красной жидкостью.

– Это ведь не может быть кровь, правда? – вырвалось у Ани, и она уставилась в такие же широко раскрытые глаза следователя. Кажется, такого он не ожидал.

И Аня обязательно посмеялась бы над ним и его ошарашенным видом, не будь на залитом красным листке очередного изображения ее самой со вскрытым животом.

10 глава

Остаток дня у Игоря прошел кое-как. Он и сам понимал, что не уделяет достаточно внимания рассказам сумасшедших – теперь он видел их одержимость с первых минут общения и уже даже не расстраивался, сталкиваясь с очередной пустышкой. Только потерянного времени было немного жаль. Пришлось еще сделать крюк, чтобы завезти красное письмо на экспертизу. Он даже мысленно не хотел называть его окровавленным. Кровь ведь так себя не ведет, верно? Она сворачивается на воздухе довольно быстро.

Все это он и вывалил судмедэксперту, которая принимала его улику.

– Разберемся, – буркнула женщина, явно недовольная тем, что он лезет в ее работу. Но она записала все данные и номер его телефона, а значит, результаты он узнает первым. – Быстро ответов не ждите, Ремесов, особенно, если обнаружатся отпечатки или это окажется действительно кровь. Попробуем сравнить по фенотипу с теми, кто проходил у нас по этому делу, как самого Рассохина, так и Васятко. Если не подойдет ни его, ни ее... Ну что же.

– Васятко заметила бы, если бы у нее кто-то взял кровь, – зачем-то пробормотал Игорь, получив еще один многозначительный взгляд. Он смутился, но глаз не опустил. Разве он не прав?

– Разве я не прав?

– Психопаты весьма изобретательны, – равнодушно ответила эксперт, снимая перчатки и убирая упакованную улику со стола. – Некоторые разводят кровь цитрусовым соком, другие хранят в морозильнике... многие преследователи хранят части тела своих жертв. Начинают просто с того, что попроще, ногти там, волосы, потом кровь или чешуйки отмершей кожи. Ну и самые неприятные идут дальше. К счастью, таких мало в процентном соотношении, иначе пришлось бы посадить треть города, не меньше.

Игорь вспомнил рисунок, на котором отдельно валялась вырезанная матка, и поморщился. Может, Николай тоже хотел сохранить ее у себя? Нет, нужно поскорее убедиться, что он надежно упрятан в больнице и еще долго не сможет выйти.

– Александра Глебовна, – он замаялся, – но разве он может хранить у себя чужую кровь, находясь в психиатрической больнице?

– Мне нравится ваше рвение, Ремесов. – Женщина едва заметно улыбнулась. – Я постараюсь ускорить проверку этого рисунка, а вот с возможностями объекта вам придется разбираться самому. Психопаты очень... изобретательны.

– Вы совершенно правы, – через силу улыбнулся и Игорь. С экспертами нужно дружить, это он понял давно. Вдруг среди жалобщиков попадутся те, кто может выдать настоящие улики, а не стройную историю, проросшую в безумном мозгу? Тут хорошие отношения с экспертами будут к месту.

Он заглянул на работу, чтобы сообщить, чем будет занят сегодня и завтра.

– Неужели попалось что-то стоящее? – заинтересовалась Вероника. Она чуть поморщилась, увидев его, словно только в этот момент вспомнила про навязанного стажера, но сейчас загорелась вполне дружелюбным любопытством.

– Одна кажется серьезным случаем, – признался Игорь. – Я договорился с психбольницей, завтра пойду поговорю насчет Рассохина.

– Это сталкер Васятко, ну ты помнишь, – пояснила Диана, поймав непонимающий взгляд Вероники.

– Я помню, – медленно ответила та. – Забудешь такого. Не так уж много преследователей удается пристроить на принудительное.

Она явно хотела сказать что-то еще, но махнула рукой.

– Тогда завтра после обеда ждем тебя тут, еще кое-какие дела дадим, – с напускным весельем произнесла она и снова переглянулась с Дианой. – Ты в нашей психбольнице не бывал еще?

– Не приходилось, – Игорь насторожился. Девчонки явно что-то скрывали, но выспрашивать просто так, когда он еще не прошел их проверку, казалось неспортивным. Он припомнил те немногие истории, что слышал о психушках или видел в фильмах. Что ж, если его обманом не прикуют к койке и не накачают лекарствами, с остальным он точно справится.

– Завтра после обеда, – повторила Вероника и словно что-то такое увидела в его лице, потому что хихикнула и совсем другим тоном добавила: – Не бойся, если тебя примут за психа, мы тебя вытащим.

Игорь усмехнулся для вида и поспешил отправиться обратно «в поле».

В таком разобранном состоянии, продолжая думать про Анну и письмо, он и пришел на ужин в родительскую квартиру. Кристина ждала его около дома, чтобы ему не пришлось заходить за ней, и Игорь впервые за день искренне улыбнулся.

– Дерьмово выглядишь, – заметила Кристина, пока они поднимались на третий этаж. – Никто из рецидивистов сегодня не покусал?

– Нет, не покусал, – Игорь мотнул головой. – Это я настраиваюсь на завтрашнее посещение психбольницы.

– А-а! – протянула Кристина и крепче ухватила за его локоть. – Ну, ты, главное, не перестарайся. А то с таким лицом тебя могут и не отпустить, начнут лечить от депрессии или от чего там могут вылечить?

– Не знаю, – рассеянно ответил Игорь, скользя взглядом по разномастным дверям на этаже. Он здесь жил, пока не переехал на съемную квартиру во время учебы в вузе, но впервые смотрел вот так, будто вглубь. Что он знал о соседях? Немного. В их доме не принято было дружить с соседями, даже на своей лестничной площадке он смутно помнил по именам лишь некоторых. Сколько среди них будущих или бывших убийц? А жертв? Может ли он кого-то из своих соседей увидеть в морге или на месте преступления?

– О чем думаешь? – поинтересовалась Кристина, замедлив шаг. Игорь послушно повторил последнюю фразу вслух.

– Ух ты, какая быстрая профдеформация! – весело восхитилась Кристина. – Я тебя успокою. Ты работаешь по другому району. И, если только твои соседи не решат специально поехать в Индустриальный, чтобы убить кого-то или умереть, ты их и не встретишь.

И она нажала на кнопку звонка.

– Игорь! Наконец-то вы с Кристиной пришли! – Игорю на мгновение показалось, что ма... мама Вадика собирается их обнять, но она только похлопала его по плечу, едва до него доставая. – Проходите, проходите, все уже на столе, Вадик с Ангелиной давно пришли!

Игорь едва сдержал улыбку, увидев, как красноречиво закатила глаза Кристина. Да, Ангелина никогда и никуда не опаздывала и Вадика приучила к этому. Кристина же не опаздывала только на уроки к детям, а Игорь просто не любил эти семейные ужины, вот и оттягивал их как мог. После смерти папы все стало иначе, но остальные словно отказывались это понимать.

Вот и сейчас на столе стояли все те же блюда, что Игорь и Вадик любили в детстве. Вадик как-то признавался брату, что вкусы его изменились, но он не хочет расстраивать мать.

– Ну что, тебя можно поздравить? – При появлении брата Вадик поспешно поднялся с дивана и крепко обнял. – Добился своего, теперь будешь с другими следаками нос задирать?

– Ну, еще рано об этом, пока мне и дела своего не дают, – смущенно ухмыльнулся в ответ Игорь, тоже с удовольствием обнимая брата. – Бегаю сейчас, как в полиции бегал.

– Зарплата хоть повыше будет? Здравствуй, Крис, – сказала Ангелина. Игорь еле сдержался, чтобы не поморщиться.

Ангелина, как всегда, о деньгах. Он иногда думал, что брат, может, пошел бы с ним учиться и потом работать следователем или, как знать, ушел бы в криминалисты, если бы не жена. Ангелина нигде не работала, но умела красиво себя подать. Вадик утверждал, что она могла стать известной моделью, но выбрала роль домохозяйки. Кристина фыркала, ведь моделью тоже надо работать, а Ангелина предпочитала другое времяпрепровождение. Однажды, когда Игорь еще служил в полиции, они довольно сильно разругались с Вадиком. Игорь не понимал, как брат, работавший в ГИБДД, мог брать взятки, ведь они выросли в одной с ним семье и воспитывала их обоих Елена Михайловна. И его отговорки, мол, «все берут», Игорь не воспринимал. Он точно знал, что не все, и знал, что все дело в Ангелине. Впрочем, разругавшись тогда с братом, он ничего не сказал родителям и продолжал молчать, уже помирившись с Вадиком. А вот Ангелина ему с тех пор совсем перестала нравиться. К счастью, в гостях ее брала на себя Кристина, и это единственное, за чем Игорю нравилось наблюдать во время этих тягостных ужинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.